

Братья Швальнеры

ТУХАЧЕВСКИЙ ПРОТИВ ЗОМБИ

X-FILES: СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Братья Швальнеры

**Тухачевский против
зомби. X-files: секретные
материалы советской власти**

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

Тухачевский против зомби. X-files: секретные материалы советской власти / Братья Швальнеры — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850362-7

Маршал Тухачевский войдет в историю как великий полководец и герой Гражданской войны 1918—1920 годов. Одной из самых интересных и в то же время мрачных страниц в его биографии станет подавление Тамбовского восстания крестьян 1920 года. Мало кто знает, что в действительности его соперниками в том бою были не тамбовские крестьяне, а... зомби! Герой фантастического романа — «попаданец» — переносится в то время и становится очевидцем и участником событий! Сможет ли маршал одержать верх в неравном бою?

ISBN 978-5-44-850362-7

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

Глава первая – О том, как большая наука и настоящие чувства вечно вредят друг другу	6
Глава вторая – О том, что нет худа без добра	14
Глава третья – О том, что слово, к сожалению, не воробей...	19
Глава четвертая – О том, что машина времени существует...	24
Глава пятая – О том, как полезно делать запасы на будущее	33
Глава шестая – О чудесном зелье	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Тухачевский против зомби X-files: секретные материалы советской власти

Братья Швальнеры

*Доброму другу Никите Савоницу
в знак благодарности за подаренный
образ главного героя – вы и впрямь очень похожи*
Авторы

© Братья Швальнеры, 2017

ISBN 978-5-4485-0362-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая – О том, как большая наука и настоящие чувства вечно вредят друг другу

– ...И именно поэтому принято считать, что Антонов-Овсеенко является не только основоположником теории «оккупации собственных территорий», но и устройства концлагерей, которые, как видим, в СССР появились задолго до гитлеровской Германии...

Никита сидел на лекции профессора Никитина и плохо слушал то, что говорил лектор – его внимание было сосредоточено на переписке с девушкой, которая, как всегда бывает в подобных случаях, крайне не вовремя потребовала внимания к своей персоне. Лекция была интересной и важной – и потому, что Никита вообще любил учиться и был отличником, и потому, что тема его дипломной работы была как раз посвящена Тамбовскому восстанию крестьян, о чем говорил профессор. Но – женщины! – где им понять мужскую логику? Если уж она требует беседы, то отказать ей, сославшись на занятость в университете, означает не просто смертельно обидеть ее тонкую душевную организацию, но и лишить себя столь необходимого в студенческом возрасте секса. А последнее негативно скажется и на здоровье, и на учебе.

«Во сколько сегодня освободишься? Можешь пораньше?»

«Еще три пары, последний семинар. Раньше 16 не получится».

«Блин, я так хотела в кино успеть. „Невесту“ показывают последний день, и сеанс начинается ровно в 16 (((... Печалька».

«Ну на другое ходим».

«На другое не хочу...» И – по традиции – куча грустных смайликов...

Инга была невероятно красивой девушкой. И как она – двухметровая блондинка с ногами от ушей, губами, глазами и прочей, столь важной для девушек атрибутикой – взглянула на пусть смазливую, но ничем особо не отличающегося от остальных ботаника с весьма средним для студента достатком – оставалось для Никиты секретом вот уже полгода, что они были вместе. Первое объяснение, что приходило в голову, было известное «женщины любят ушами». Никита был на редкость умный парень, но одним умом не проживешь. Инга много раз советовала ему устроиться на подработку, чтобы не жить за счет родителей и иметь больше финансовой независимости – дескать, женщины любят самостоятельных мужчин да и ее потребности как девушки из «высшего общества» несколько... кхм... отличаются от его возможностей. Но родители были против – они обеспечивали его (не так, правда, как ее родители, но все же) и настаивали на том, чтобы он закончил институт «как положено», а подработка во внеурочное время может отвлечь от учебных занятий. Да и потом слова Инги пока оставались только словами. Правда, она была девушкой достаточно властной – так, что со стороны Никита походил на подкаблучника, чем вызывал неприязнь и насмешки со стороны знакомых. Но, рассуждал он, если ставить на одну чашу весов сложности их отношений с Ингой, а на другую – их приятные моменты, то вторая явно перевешивает и ради ее содержимого можно и потерпеть.

«Прости, малышка, просто мне для диплома этот семинар очень важен...»

«Ладно, тогда заеду за тобой к 16».

«Целую».

С чувством глубокого удовлетворения Никита отложил телефон и приготовился было внимать профессору, как внезапно прозвевший звонок внес коррективы в его планы.

На перемене к нему подошел Кирилл Осетров.

– Конспект дать?

– Какой? Зачем? – не сразу понял Никита

– Лекции. Тебе по этой теме диплом писать, а ты всю пару писал что-то другое...

Сокурсник опустил глаза.

– Любовная любовь...

– Понимаю, только...

– Что «только»? – насторожился Никита.

– Ты ведь знаешь, кто она такая.

– И кто же? – судя по тону, он уже приготовился отстаивать честь любимой всеми подручными средствами. Еще минуту – и он бы изрек что-то вроде «Встретимся на Черной речке!»

– Она тебе не пара... Она избалованная, мажористая, из богатой семьи... Ты, что, серьезно планируешь будущее с ней?

– А тебе-то какое дело? – Никита знал, что Инга нравится Кириллу не меньше, чем ему самому, и он только и ждет, чтобы место возле нее оказалось вакантным. Только почему-то никак в этом не признается.

– Да потому что все равно ничего не выйдет. Только зря время потратишь. Ты у нее не первый такой.

– Критика должна быть конструктивной...

– Что имеешь в виду?

– Критикуешь – предлагай.

– Господи, да за тобой такие девчонки бегают, а ты... Польстился на искусственную красоту.

– Слушай, Осетров, ты кажется конспект предлагал. Так вот давай конспект и дуй по своим делам, нечего в чужую жизнь лезть!

Никита списывал поведение товарища на ревность – все мы в такие минуты становимся похожи друг на друга. Но юности свойственно быстро забывать дурное – то же произошло и с Никитой, стоило ему в 16 часов выйти... нет, вылететь из здания института и направить к парковке, где его по традиции ждал знакомый красный кабриолет, за рулем которого сидела Инга. Красивая машина словно бы добавляла красоты этой еще юной, но уже женщине – нельзя было не позавидовать Никите в ту минуту, когда он, на глазах у своих товарищей, нежно поцеловал любимую и запрыгнул на переднее сиденье ее автомобиля, чтобы с ветерком прокатиться по Москве и провести остаток дня в обществе куда приятнее, чем общество книг и архивных документов.

– Как прошел день? – поинтересовалась спутница, когда они во весь опор летели по Варшавке в сторону центра.

– Обычно. Лекции, семинары. Как у тебя?

– И когда только закончится эта твоя учеба? Встречаемся всего полгода, а впечатление такое, будто ты учишься всю жизнь и до скончания века будешь заниматься только этим...

– Не ворчи, прошу тебя. Каких-то полгода, защита диплома – и все, все позади.

– А впереди?

– Что впереди?

– Вот именно – что впереди? Карьера преподавателя вуза? Вечный старпреп с надеждой защитит кандидатскую?

– Ну что ты начала... И почему ты обо мне так плохо думаешь? – он сделал вид, что обиделся. В такие минуты ей становилось немного жаль его – а жалость в глазах женщины всегда сильнее, чем любовь. Она погладила своего «львенка», как обычно называла его в минуты страсти, по голове и улыбнулась ему.

– Мой день тоже как обычно. Встала в 12, объехала пару магазинов – ничего интересного. Как насчет кофе?

– С удовольствием, – широко улыбнувшись, поддержал ее инициативу Никита.

Спустя полчаса они сидели в кафе на Красной площади – Инга особенно любила это в общем ничем не примечательное заведение, ведь именно в нем, по ее словам, царила некая особая атмосфера роскоши, позволявшая ей в полной мере почувствовать себя частью столич-

ного бомонда. Для Никиты же, не знакомого с этой атмосферой так близко, как его девушка, выражалась она только в ценниках карты бара. Однако, ему это место тоже приглянулось – пока она находилась здесь, ее настроение было ветреным и податливым, она с интересом (может, напускным) слушала его рассказы о разных исторических личностях и не скупилась на комплименты. Истина о том, что женщины все же любят ушами, находила подтверждение в его глазах.

– Слушай, откуда ты все это знаешь? – открыв рот, интересовалась она.

– Читаю много.

– И все? Я вот тоже читаю, а рядом с тобой ощущаю себя просто глупой как пробка...

– Ты женщина. Твой ум – в другом.

– В чем же?

– В сохранении домашнего очага, в создании той самой атмосферы, в которой твой муж должен и может творить, приближаться к искусству, науке, к работе в целом...

– Ты всерьез считаешь, что я на это способна?

– Вне всяких сомнений.

Инга посмотрела на него полными любви глазами и нежно поцеловала...

На Москву опускался вечер. Только тот, кто встречал удивительные московские закаты в вечерний час, так хорошо описанный Булгаковым на Патриарших прудах, помнит ту чудесную ауру. Воздух будто наполняется ароматами лета, на душе становится необычайно тепло и в то же время – волнительно от предвкушения интриги, которую всегда несет в себе столичный вечер. Алая полоска протянулась вдоль горизонта, отсвечивая на лицах посетителей этого кафе, пассажиров, выходящих из метро, автолюбителей, застрявших в традиционных – таких же достопримечательностях Москвы как Кремль или мавзолей – пробках и обещающая скорое наступление нового дня, не менее прекрасного, чем уходящий...

...Красивый красный «пежо» без верха стоял в лесополосе неподалеку от проспекта Вернадского. Романтика московского летнего вечера не могла пройти мимо него – автомобиль качался под ударами двух молодых и страстных тел, неистово любящих друг друга. Доносились жаркие стоны, одежда влюбленных была раскидана на земле вокруг машины – в такие минуты люди, как правило, меньше всего заботятся о внешнем виде. Наконец последние иступленные фрикции сотрясли их, воздух на мгновение озарил вскрик высшей неги и наступила тишина...

Иван закурил, лежа на заднем сиденье машины, служащей для любовников местом постоянных утех на протяжении вот уже двух недель – как только позволила погода стремительно ворвавшегося в жизнь мая.

– Послушай, – начала она. Ему всегда не нравился, его настораживал этот тон – в такой момент, когда по законам жанра положено молчать, он не обещал ничего хорошего. – Сколько мы еще так будем? Я каждый день только и выслушиваю от родителей, что упреки в твой адрес. Мне уже порядком надоело прятать глаза. Я защищаю тебя в их глазах, а что толку? Воз и ныне там. Ты, кажется, и правда ничего не планируешь менять в своей жизни.

– Почему? Планирую.

– И когда?

– ...

– Понятно. Ладно, поехали, мне домой пора.

У подъезда она дежурно поцеловала его и, пообещав завтра так же приехать в институт, на полной скорости удалилась на другой конец города.

Перешагнув порог квартиры, она с удивлением для себя обнаружила родителей, буквально сияющих от счастья.

– Что такое? Почему не спим? – осторожно спросила она, взглянув на часы.

– Ты не спишь, значит, а нас укладываешь! Нет уж, взрослые так взрослые!

Войдя на кухню, Инга увидела на столе огромный букет цветов.

– Вот те раз! От кого это?

– От поклонника, – уклончиво и игриво ответила ее мать, Ольга Анатольевна.

– Батя! – с напускной строгостью, подбоченившись, спросила Инга у отца. – У твоей жены воздыхатели появляются, а ты сквозь пальцы смотришь? Где наш вечный ревнивец?

– Ревнивец на месте, только у моей жены воздыхателей нету. Ну кроме меня, разумеется. А вот у тебя...

– Что? – Инга пододвинула вазу с букетом ближе и с удивлением извлекла оттуда записку.

«Милой Инге в день нашего знакомства. Несмотря на прошедшее время, я помню все. С любовью и наилучшими воспоминаниями, Эдуард...»

Инга в отчаянии хлопнула себя ладонью по лбу. Это был бизнес-партнер ее отца, с которым она была знакома еще с детства. Несколько лет назад он сделал ей предложение руки и сердца, чем поверг в шок всех – начиная с ее родителей и заканчивая официантами в ресторане. Возрастной мужчина делает предложение юной девушке. Да не просто девушке, а дочери собственного партнера, которую едва ли не в колыбели качал! Тогда его предложение было единогласно отвергнуто и ею, и ее родителями. Что же случилось с ними теперь?

– У Эдика приступ старческого маразма?

Отец посерьезнел, не оценив ее шутки.

– Мы с ним ровесники. Я, по-твоему, тоже маразматик?

– Пап, я не то хотела сказать. Просто Эдик... он... не в моем вкусе и вообще. Вы же сами были против наших с ним отношений.

– Были, – включилась в разговор мама. – До тех пор, пока ты нас не огорошила своим давешним избранником...

– Опять...

– Снова! На этот раз все, мы не для того тебя с твоим отцом растили столько лет, чтобы ты остаток жизни провела на помойке в Марьиной роще!

– Ну что ты заладила? Какая помойка?

– Самая обыкновенная, с мусором вместо людей и пустыми бутылками в качестве перспективы завтрашнего дня, – снова включился отец. – В общем так, предложение Эдика заслуживает внимания...

– Ну и рассматривайте его сами!

– Не спеши, дослушай сначала! Или ты встретишься с ним, и вы хотя бы обсудите совместные взгляды на будущее...

– Совместное конечно...

– Еще не знаю.

– Или?

– Или скатертью дорога. Хоть в Марьину рощу, хоть куда там еще.

Вопрос был поставлен ребром. Инге с трудом удалось отложить решение вопроса до утра – мол, утра вечера мудренее и тому подобное. Но отсрочка ей явно нужна была только для одного – отыскать наиболее подходящие слова, чтобы сказать их Никите. Ибо решение было уже принято – уходить в неизвестность, причем куда менее материально обеспеченную, чем ее сегодняшний день, она не собиралась...

Никита же пришел домой, слегка перекусил и хотел было поработать над дипломом, но сон предательски валил его с ног – недавние физические нагрузки давали о себе знать. Засыпая, он думал только о том, почему, если Тухачевский, во время подавления Тамбовского восстания травил крестьян газом, не было найдено ни одного отравленного тела в дальнейшем, при разборе завалов?..

Весь следующий день прошел примерно по такому же сценарию с той лишь разницей, что Инга писала ему все реже и реже. Никиту это немного волновало, но не настолько, чтобы

бросить все и сосредоточиться вокруг этого события – институтская жизнь кипела, была ключом и исключала из себя все посторонние подводные течения, кроме научных.

В 16 часов Никита, как обычно, на крыльях любви вылетел из здания своей альма матер. Но, к своему удивлению, вместо машины Инги на парковке обнаружил в своем телефоне СМС: «Сегодня не смогу заехать, извини, срочные дела. Увидимся завтра». Он ничего не ответил, только молча побрел в сторону метро, и по дороге ему казалось, что вслед ему смотрит весь институт – хотя в действительности, никому не было никакого дела до того, везет ли его очаровательная спутница или он сам добирается до дома, а все же в такие минуты невольно думаешь, что являешься объектом всеобщих насмешек.

Впрочем, грусть отняла сравнительно немного времени – диплом сам себя не напишет, как сказал бы американец. Погрузившись в архивные изыскания и историческую литературу, Никита снова увидел перед собой маршала Тухачевского, железной рукой наводящего порядок в стране, охваченной огнем Гражданской войны, его соратников и боевых товарищей – Фрунзе, Антонова-Овсеенко, Ленина, Ворошилова... Когда решил прерваться и взглянуть на часы – была уже полночь. И только встал со стула, чтобы отправиться за чаем в преддверии второй схватки с мятежными тамбовскими крестьянами, как звук входящего сообщения социальной сети заставил его буквально прирасти к монитору. Чай не потребовался – сон как рукой сняло.

Ему писал товарищ по вузу, Игорь Асеев. Он был, что называется, из числа «мажоров», типичный представитель золотой молодежи, и потому посещал клубы и прочие пафосные места не реже, а то и чаще, чем Инга.

«Привет, старик. Чем занят?»

«Как всегда, наука».

«Извини, что отвлекаю. Вообще не хотел тебе писать, но думаю тебе будет интересно...»

То, что увидел Никита далее, повергло его в шок. Инга, его Инга сидела в ресторане рядом с каким-то солидным дядькой в годах, причем периодически держа его за руку и улыбаясь. Но не просто, а так, как улыбаются влюбленные, причем давно и основательно. Он хорошо знал, что в ее исполнении значит эта улыбка. И потому очень скоро все стало на места – и ее молчание и неявка вечером на парковку. Только ему от этого было ох как не приятно.

«С кем это она?» – не унимался Игорь.

«С отцом», – соврал Никита, не желая признавать своего поражения более пожилому сопернику (мужская гордость у него тоже присутствовала!).

«Ааа, понятно. Ну приятного вечера тебе».

«Взаимно».

Никита еще долго сидел в кресле, не в силах шевельнуться. В голове и душе его происходило неведомо что. Любовь кипела, бурлила, отдавала ненавистью, мысли о самоубийстве – как часто бывает в столь нежном возрасте – перемежались с мыслью о чужой крови, проливаемой во имя любви... Потом он силой воли останавливал этот поток мыслей! Но в такие минуты голова оказывалась пустой, словно чан – ничто не лезло в нее взамен навязчивой идеи формата «любовь – ревность». Как назло, невозможно было сосредоточиться ни на чем, кроме ужасной пощечины, нанесенной тем, кого так любишь...

Его хватило только на то, чтобы написать ей (в вялой надежде на то, что может быть, это ее старый знакомый и все еще обойдется): «С кем ты сейчас? Кто он?»

Надежда не оправдалась. Она всю ночь обдумывала слова, которые, по ее мнению, смогли бы амортизировать для него удар судьбы – а тут подвернулся случай, что молчание было даже более выгодным, чем какие бы то ни было объяснения.

«Раз ты все знаешь, извини. Нам с тобой не по дороге, мы слишком разные. И лучше не пиши мне больше. Так будет лучше для всех. Спасибо за все и прощай».

Он еще успел написать ей в ответ: «Может, останемся друзьями?» и даже получить от нее: «Не думаю, что это хорошая идея». А вот следующее сообщение вернулось с отче-

том «Не доставлено». Он позвонил ей. Короткие гудки. Это могло означать только одно – она внесла его номер в черный список. Можно было попробовать поменять номер, но это ничего бы не изменило по сути – и второй номер, и третий, и десятый разделили бы судьбу первого.

Молчание! Как оно ужасно, как оно ранит, когда исходит от того, кого действительно любишь. Нет оскорбления более тяжелого, чем молчание. И нет кинжала более острого, чем руки, спрятанные за спиной. Ведь оскорбление, как и удар кинжала может означать любое кипучее чувство, питаемое к Вам человеком – любовь или ненависть, в зависимости от обстоятельств. А молчание означает безразличие.

До утра Никита не спал, а утром, еле живой от усталости и обиды, стоял в кабинете декана.

– Что значит – академический отпуск? Зачем? В канун диплома?

– По семейным обстоятельствам, – бормотал Никита себе под нос. Отличник производил впечатление нерадивого двоечника.

– Да какие еще обстоятельства?! – недоумевал Вадим Дмитриевич. – С ума совсем сошел? Мы комиссию собрали, будут люди из Министерства и все – ради твоей работы, которая так важна для науки и уже анонсирована в ряде наших научных журналов! И тут у него появляются какие-то обстоятельства! Да ты что?!

– У меня правда серьезная причина, Вадим Дмитриевич, иначе я не стал бы беспокоить Вас...

– Что ж, – после пятиминутного молчания тяжело вздохнул декан. – Нет у меня времени с тобой нянчиться! Не хочешь – как хочешь. Учти, что в следующем году такой защиты у тебя не будет, – зло отрезал он и подписал заявление.

Родители дома тоже ничего не могли понять.

– Что такое? Куда ты собираешься?

– К деду в деревню.

– Да ты с ума сошел! А институт? У тебя же защита диплома!

– Подождет.

– Кого подождет? Куда ждать? Сколько?

– Сколько потребуется. Я академ взял.

Матери едва плохо не стало.

– Отец, ты слышал? Он академ взял!

– Слушай, Никитос, что случилось-то? – отец постарался поговорить теплее, что называется, по-мужски.

– Ничего особенного. Я ж о Тамбовском восстании пишу. А в Тамбове никогда не был. Что это за работа, если автор оторван от места событий? Это ерунда, а не работа. А так заодно и деда проведаю. Как он там? Давно не пишет...

– С Ингой что-то? – отец как мужчина понял своего отпрыска. Ответа ему не потребовалось – взгляд сына сказал больше слов. – Ладно, езжай. Привет деду, – пожал плечами отец. Мать, слышав такое, едва не отправила их обоих даже не к деду, а к прадедам.

– Еще один больной! Ты как его отпускаешь? Куда?! Что происходит-то?

– Пусть едет, – отрезал отец. – Он взрослый человек, и, если уж решил, то так и поступит. И только когда за сыном захлопнулась входная дверь, добавил:

– Не переживай. Все будет хорошо. Я точно знаю.

Дорога пролетела незаметно – все-таки, что ни говори, а путешествие всегда отвлекает от насущных житейских проблем. Правы были классики, когда советовали любой душевный недуг, включая любовную тоску, лечить вояжем в дальние края. Из Тамбова в Каменку, где жил дед, ехал один автобус, на который Никита с трудом успел. После 14 часов в поезде на верхней полке каких-то 4 часа в затхлом замусоренном ПАЗике времен Леонида Ильича казались просто смехом, а не испытанием. Зато какова была награда за эти муки – на станции Никиту

вместе с дедом встречали свежий бодрящий воздух слегка морозной даже летом Тамбовщины, дивная зелень кустов, высокие деревья и полная деревенская тишина.

– Внучок, – радостно развел руки дед. – Вот те раз! Какими судьбами-то? Родители позволили, так насилу успел встретить тебя! Как решился-то? Столько лет не дозваться.

– Вот и я так подумал – столько лет не дозваться, как ты тут один, решил навестить...

– Ну и правильно сделал, – дед прекрасно понимал, что внук врет, но не имел ничего против. Старику, к коим Николай Степанович относил себя вполне обоснованно, общество всегда приятнее сурового старческого одиночества. Несмотря на постоянные призывы детей приехать в Москву, приглашения вовсе сменить место жительства, он все же сидел в своей деревне один как сыч последние тридцать лет. Жена его умерла, а других родственников у старика не было. Он справедливо полагал, что пересаживать старое дерево нет смысла и необходимости, а Москва еще с юности навевала на него тоску – он там бывал пару раз в каких-то партийных командировках, и не мог сказать о столице доброго слова. Что ж, всяк кулик... А пока слова внука Николай Степанович воспринял как герой Пушкина: «Меня обманывать нетрудно, я сам обманываться рад».

Первые дни студент охотно выполнял все обязанности по дому – рубил дрова, носил воду из близлежащего колодца, ходил с дедом по грибы и в процессе их собирания слушал его рассказы о том, где есть какая трава и от чего какой сбор помогает.

– Слушай, дед, – спросил он как-то раз. – А ты ничего не слышал про крестьянское восстание в ваших местах летом 1920 года? Оно ведь как раз где-то здесь происходило.

– Как не слышать? Слышал. Только теперь о нем мало кто помнит. Разве только в музее в райцентре и найдешь упоминание...

– Мало кто? Это значит, что кто-то все-таки слышал...

Дед с недоверием взглянул на внука.

– А тебе зачем?

– Я диплом пишу на эту тему. А без разговоров с очевидцами или свидетелями – пусть даже косвенными – сам понимаешь, работа яйца выеденного не стоит.

Дед лукаво улыбнулся и подошел к внуку вплотную, обнимая его одной рукой.

– Эх, внучок. Ну что ж я за дед, если внуку не помогу? Есть тут у нас один старичок, только – тсссс! – он страшно не любит, когда его обо всем это расспрашивают. Вот я тебя-то с ним и сведу!

Никита обрадовался.

– Правда? Ну ты даешь! Ты меня как ученого этим очень обяжешь!

– Ладно уж, ученый, гляди на масленка не наступи, а то на зиму солить нечего будет, – дед наклонился и поднял из-под самой ноги Никиты маленький, но «упитанный» гриб. Никита улыбнулся, подумав, какие же у него замечательные предки!

Однако, вскоре деревенская жизнь не то, чтобы приелась столичному юноше – он к ней привык. А как только привыкаешь к определенной обстановке, обживаешься в ней, свыкаешься с нею – так сразу образцы прошлого, да тем более недавнего и так больно ранившего, уходя, – начинают собираться в кучу и снова донимать исстрадавшееся сердце.

Утром Никита отказался от завтрака.

– Ты чего? – в недоумении спросил дед. Никита молчал и глядел в окно.

– Эээ, а я никак знаю, что тебя гложет.

– И что же?

– Ты что же думаешь, я молодым никогда не был? Была и у меня в юности одна... Эх и иссушила же она меня! Жил на еле-еле, едва Богу душу не отдал.

– И что же было потом?

– А потом я, по счастью, твою бабушку встретил...

– Хочешь сказать, клин клином вышибают? Боюсь, не про меня.

– Это почему?

– Да вот. Полюбил.

– Ну а раз так, то и такому горю как твое, помочь можно. Мир-то не нами придуман, а и до нас люди жили, и любили, и страдали. И боролись за свое счастье, возвращая любимых, если надо.

– То есть ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что давно пора тебя с тем старичком познакомить, про которого я тебе в лесу рассказывал. Он тебе и по учебе поможет, и по жизни...

Заинтриговал. Глаза юноши загорелись. Он в очередной раз убедился, что кладезь народной мудрости – самое дорогое из всех наших богатств, и беречь его надо как зеницу ока.

Глава вторая – О том, что нет худа без добра

Когдаходишь в здешний, тамбовский, лес, кажется, что вот он – весь на просвет. Одно дерево, за ним – другое, третье, едва ли не стройными рядами, но уж точно из виду не потеряешь ни спутника, ни дичь. Однако, стоит углубиться в него метров на 50—100, как уже оторопь берет, назад посмотришь – глухомань, а впереди – темень. И только поднимешь голову высоко, в самые кроны вековых сосен и елей, и так солнце увидишь...

Никита и Николай Степанович пробирались через глухой валежник. Сучья трещали у них под ногами, а Никита только и молил Бога, что о том, чтобы скорее добраться до избышки старичка, который живет в лесу и, по словам деда, является для него сейчас спасительной соломинкой.

– Слушай, дед. Да здесь словно и нога человека не ступала. Пойдешь – заблудишься, и вообще век не вылезешь. А он-то, старичок этот, как выходит?

– Велимудр-то? А на что ему? Живет натуральным хозяйством да собирательством, раз в полгода-в год выберется за кормом для скота, и живет себе. Да и потом старый он, пути – дорожки такие знает, какие нам с тобой во сне не снились. Ночью пьяный пойдет, а не заплутает – ноги сами приведут.

– Говоришь, давно живет?

– Точно тебе говорю, больше ста лет. Он и восстание твое видел, сам в нем будто бы участвовал.

– Так он, должно быть, дряхлый совсем.

– Ну как же! Побегаеть ты с ним на перегонки!

– Слушай, а как он второму-то горю моему помочь сможет? – не унимался въедливый и дотошный внук.

– А вот это ты сам у него спросишь...

С этими словами дед, словно в сказке, раздвинул руками какие-то густые заросли – и взору Никиты открылась удивительная картина. Посреди чащи леса стояла поляна, вырубленная и очищенная от деревьев и валежника. На ней стоял дом – добротный крестьянский сруб, обнесенный частоколом (непонятно, от кого, соседей-то ведь не было), за ним паслась скотина, несколько коров да коз, виднелись на заднем дворе какие-то невысокие сараи. Калитка была, все, как положено – хотя, по рассказам деда, гостей здесь не ждали.

Никита и Николай Степанович вошли в калитку и направились к дому, как вдруг сзади их кто-то окликнул. Это был хозяин.

– Николай?

– А, Велимудр, здравствуй. Вот, видишь, внука к тебе привел.

– Вижу, что ты не один, – Никита рассмотрел хозяина. На вид ему было не больше 70-ти, он был еще весьма бодр и вообще живчик. Должно быть, дед что-то напутал или приукрасил, а может, просто тал заложником слухов, какие всегда ходят на селе особенно про тех, кто держится на отдалке.

– Меня Никита зовут, – протянул студент руку хозяину лесного подворья. Рукопожатие его было не по годам крепким – какие там сто лет?!

– У меня много имен, а вот здесь кличут Велимудром. Тоже можешь так меня называть. В общем, повелось как-то, а я и не возражаю, – «А старичок дружелюбен».

– А правду говорят, что Вам за сотню лет?

– Святая правда, – перекрестился старик. – 105 лет. Я еще и войну крестьянскую 1920 года помню. Правда, мальчишкой совсем был, а вот видишь, помню...

– Однако, рукопожатие-то у Вас не по годам.

– Так это цивилизация из нас раньше времени стариков делает. А ежели от нее поодаль держаться, то и все хорошо будет. И бодрость сохранится, и сила. И здоровье. Да вы проходите в избу-то, гости дорогие, чего ж я вас на пороге-то держу?

Прошли в избу. Внутри все как в классических русских сказках, все по «Домострою». Печка ручной кладки, скамья вдоль нее, большой деревянный стол, полати. Крынка и чашка на столе, покрытом скатертью. Ни малейших следов пребывания цивилизации —ни телевизора, ни радио.

– Как же Вы живете? Без связи с внешним миром?

– Живу и не жалуюсь, – только посмеивался старичок. – И вам то же советую делать, если до моих годков дотянуть хотите. Ну, допросили? А теперь рассказывайте, что вас привело в такой час? – на дворе был уже вечер, когда гости нагрянули к деревенскому отшельнику.

– Да вот, – Николай Степанович показал рукой на внука. – Мается, сердечный.

– Чем это?

– Любовной лихорадкой.

– А, ну так это у тебя наследственное, милый. Вот и дед твой не раз ко мне по этому поводу хаживал. А ты не смотри на меня так, Николай свет-Степанович. А лучше испей-ка водицы, вон там, в ведре. Колодезная, ммм, лепота, водица какая...

– Дед? Я не понял, ты что, тоже?..

– А что ж ты думаешь, если мы старики, то и не люди вовсе? – вступился хозяин. – И молодыми-то, поди, никогда не были и вообще родились с бородами? Экий ты...

– Так а...

– А случилось вот что, – мудрый старец опережал вопросы молодого человека прежде, чем тот успевал их формулировать даже мысленно. – Была у Николая в юности зазноба одна, из городских – он-то, видать, с тех самых пор в город выезжать не любит. Так вот оставила она его, после того, как узнала, что он из крестьян и место оседлости менять не планирует. И так уж он метался, так маялся. И пришел ко мне. Стал я ему советы разные давать да отвары предлагать. А он мне – «Не буду пить. А дай-ка ты мне такую дивчину, что согласилась бы со мной здесь остаться...» Хозяйство у них, вишь, было большое. Как они раскулачивания-то избежали – до сих пор не пойму. Какой тут ему, старшему работнику, в город ехать за юбкой? А хозяйство куда? Вот и решил он поступить мудрее, чем я ему предлагал. Что ж, скоро встретил он бабку твою. Да она уж больно как красива была! Ты-то, парень, гляжу в нее весь пошел! Ну и само собой, как в молодости-то бывает, стали за ней разные бегать да засматриваться. Он опять ко мне. На сей раз выпил зелья – и прожил со своей Зинаидой до глубокой старости, царство ей небесное. А теперь вот и ты тем же заболел... Ну, рассказывай, как было дело...

Никита стоял и ошалело смотрел на говорливого старичка. Все в нем казалось ему необычным – и возраст, и свежесть памяти, и то, с какой легкостью он рассказывает о зельях и отварах, о чем обычно ведуны предпочитают молчать особенно с теми, кого видят в первый раз... Он стоял в углу светлицы как вкопанный, не в силах ответить на поставленный вопрос.

– Что смотришь? Думаешь, если я отшельник, то как в сказках должен сидеть, угрюмо молчать и волком глядеть на всех? А чего мне дуться на людей, когда они меня из села не выгоняли – я сам ушел. Никто меня не обижал. Да и как? Как они могут все это сделать? Они слабее меня, а я сильнее их. Так чего мне на слабого обижаться?

В словах старика слышалась глубинная философская мудрость – чуть позже уже Никита поймет, что они в действительности означали. А пока он показался ему умным настолько, что слов не подобрать. Усевшись напротив старичка на скамейку, Никита начал свой рассказ. Он был откровенен и смотрел старику прямо в глаза – с того дня, как Инга исчезла из его жизни он ни с кем не обсуждал данной проблемы столь прямо и открыто, ничего не тая. Как знать, может старик просто был хорошим психологом – ведь уметь выслушать человека в такой ситуации дорогого стоит!

– Она... она необыкновенная. С первой минуты, как мы познакомились, меня не оставляет стойкое ощущение того, что она и есть – мой человек. Тот самый человек, которого я так долго искал. Мы похожи во многом, почти во всем. Одинаково любим ужастики... фильмы ужасов, юмор одинаковый, музыку одинаковую... Да чего там – стоит мне подумать, а она уже говорит. Это свидетельствует о чем-то? И тут, как у Шекспира, в дело вмешиваются родители. Они у нее состоятельные довольно, а я парень простой, да и учиться мне надо. Им я сразу поэтому и не понравился. Она мне пыталась донести, чтобы я там на работу устроился или еще что, ну в общем, стал сам содержать себя. Мои родители оказались против этого – они считают, что я сначала доучиться должен. Да и логично это – до диплома всего полгода. А потом, как видно, совсем родители заели. Ее видели в одном из московских ресторанов с каким-то пожилым дядькой... Я ее не сужу, как родителям перечить, когда зависишь от них да и привыкла к определенному уровню жизни? Но и без нее мне шибко тошно... Простите, Вы наверное, не поняли и половины из того, что я сказал?

– Чего тут не понять? Ты ж не по-китайски вроде говорил. Да и потом в таких делах слова не главное, тут глаза больше говорят.

– И что Вы думаете? Можно моему горю помочь?

– Отчего не помочь? Поможем. У тебя фотокарточка-то ее есть?

– Вот, – Никита протянул старику телефон с ее изображением на рабочем столе.

– И впрямь хороша, а? – Велимудр показал фотографию Николаю. Тот утвердительно кивнул и улыбнулся внуку. – Что ж, вот... – старик потянулся и открыл доселе сокрытый от посторонних глаз навесной шкаф над печкой. Там, за легкой занавеской, стояли какие-то скляночки и колбочки с разноцветными жидкостями. Старик взял, словно наугад, одну из них и протянул юноше. – Выпей-ка.

– И что будет? – с явным недоверием спросил тот.

– Да ты выпей сперва, а после узнаешь.

Выпил.

– Безвкусное.

– Так и должно быть. А вот теперь все изменится.

– Но как?

– А ты как хочешь? Ты же хочешь, чтобы она возвратилась к тебе, верно?

– Верно.

– Ну вот. Она и вернется.

– Как это? Выпил я, а вернется она?

– Так и есть. Это ведь неважно, кто из вас выпил. Понимаешь, когда двое встречаются и зарождается между ними что-то – любовью ли это назови или по-другому как, они превращаются в нечто вроде сообщающихся сосудов. В одного попало – на другом скажется. То, что ты выпил, изменит тебя в лучшую сторону, по ее мнению. Станешь ты тем, кого она так хочет в тебе видеть. Решительности прибавится, самостоятельности. Ей-то ведь не сейчас вынь да положь деньги от тебя нужны. Чтоб большое да красивое дерево выросло, надо сначала маленький росточек посадить. И она, как всякая баба, готова это сделать и принять тебя такого, малорослого, и даже перетерпеть с тобой все трудности, которые выпадут на твоём пути. Только ей надо быть уверенной в том, что не понапрасну она время-то свое да молодость тратит. Что есть в тебе та самая жилка, что, например, в ее отце, что не сиднем сидеть всю жизнь будешь, а зарабатывать для нее то, что сейчас она дома видит. Она и спрашивает тебя – ей много не надо, и слов хватит. В вашем-то возрасте и за одну коммунистическую идею можно... кхм... жизнь отдать. Всего лишь спрашивает. А ты и тут не сноров, молчишь как рыба об лед. А теперь уж словами ничего не решишь, нечто большее нужно.

– Надо что-то сделать?

– Ничего не надо делать, все само сделается. Ты только не спеши, не упорствуй. Она сама почует перемену в тебе – говорю же, как сообщающиеся сосуды, – и отыщет тебя, где бы ты ни был. А пока пойдй да поспи.

– Складно как Вы говорите... Даже не скажешь, что всю жизнь отшельником прожили – про сообщающиеся сосуды знаете...

Старик снова улыбнулся – но на этот раз как-то более напряженно – и взглянул на Николая Степановича.

– Как-то ты уж больно для студента истфака узко рассуждаешь, – Никита обратил внимание, что ему откуда-то известно место учебы собеседника, но решил не задавать ему этого вопроса. Осведомленность старика просто обескураживала, и каждый последующий вопрос грозил ответом, примириться с которым пареньку будет трудно. – По-твоему выходит, что если уж отшельник, так сразу и дурак. Это не так. Это первое. И второе – отшельником я был не всегда. Пришли времена, тяжело стало на селе жить, вот и решил удалиться ото всех. Чтоб если мое – значит мое, а коль потерял или не уродилось – то по моей вине. Значит, Бога плохо молил. А то среди людей, знаешь, жить сложно мне, старому...

– К слову о возрасте. Вы тут обмолвились о том, что помните крестьянское восстание под руководством Антонова?

– Конечно, помню, как не помнить? Правда, маленький был, а все как сейчас. Знаешь, у стариков какая память? Иной раз что вчера было не вспомнишь, а сотню лет назад – вот оно, словно на картинке видно.

– Понимаете, я собираю материал об этом, работу дипломную пишу. И почти уже все написал, как вдруг понял, что без разговора с очевидцами она будет... неполной что ли.

– Хе, – хохотнул Велимудр. – Где ж это ты спустя сто лет собрался очевидцев откапывать? Иных уж нет, а те далече...

– Да вот, – развел руками юноша. – Наудачу приехал. И попал, как говорится, пальцем в небо.

– Это тебе и вправду повезло, что меня встретил. Я тебе все подробно расскажу. Только не сегодня, поздно уж. У меня, знаешь, кругом режим. Поздно лягу – утром на дойку не встану, потом козу не успею подоить да убрать за ней, на выпас скот не вовремя выйдет, а загонять его строго по времени – значит, меньше съест. Значит, завтра и молока будет меньше, и так одно к другому... А вот приходи-ка ты завтра днем, тут я тебе все и поведаю, как оно есть. Много нового узнаешь. Ты вот, к примеру, наверняка не знаешь, что это вовсе не восстание в общепринятом смысле было, а настоящая крестьянская война, такие масштабы оно приняло!

– Ну, читал...

– Читал, – скептически протянул старик. – Прочитать и на заборе немудрено. А живое слово – оно иное, оно дорогого стоит. Ты словно через него прикасаешься к тем временам, словно побываешь там на полях сражений, почувствуешь атмосферу тех лет...

Он говорил так увлекательно, что Никите казалось, будто он разговаривает не со старцем-отшельником, а с телевизионным рассказчиком. Но пора было уходить – и, дабы не вносить незапланированных корректив в сельскохозяйственный график хозяина дома, гости попрощались и побрели обратно той же дорогой. На обратном пути у Никиты не закрывался рот – настолько переполняли молодого человека впечатления от услышанного и увиденного сегодня, а Николай Степанович в ответ только многозначительно посмеивался, будто знал что-то, чего не знал внук.

Пока они были в лесу, сотовый телефон Никиты не мог поймать сеть – уж больно здесь были заповедные места. Когда же добрались до дедова дома, сеть появилась. Но вот предусмотрительно выключенный звук студент включить забыл и ложась спать. Если бы не забыл, то наверняка увидел бы пришедшее от Инги СМС: «Привет, милый мой мальчик. Я все обдумала

и решила... Я не могу без тебя, я просто погибаю. Я была в институте, там сказали, что ты взял отпуск и уехал из Москвы. Прошу, скорее возвращайся. Нам срочно нужно встретиться...»

Глава третья – О том, что слово, к сожалению, не воробей...

Утро для Никиты началось более, чем хорошо. Прочитав СМС, он буквально места себе не находил.

– Дед, мне в Москву надо.

– Дык ведь автобус-то не каждый день у нас! Теперь только завтра, раньше никак не уехать.

– Что ж, никто до Тамбова меня отвезти не сможет?

– Да что ты! Ни Боже мой! У нас живут-то одни старики. К кому вон на лето, как ты, внуки приехали, да и те без машин, все больше на великах катаются. А до Тамбова почти что пять сотен верст, никак не добраться!..

– Эхх...

– Да не переживай ты так. Все самое страшное позади – говорил же тебе, Велимудр поможет. Куда она теперь денется-то? Подождет пару деньков, ничего с ней не случится, а глядишь, еще и лучше будет!

– Может, ты и прав. Пойду что ли дров натаскаю...

– А вот это и правда дело!

С дровами молодой и сильный организм Никиты справился быстро. Окинув взглядом двор дедовского дома в поисках дополнительной «подработки», он ничего не нашел и вышел на улицу. Вспомнил он слова Велимудра и подумал, что надо бы сходить поблагодарить старика да заодно порасспросить его о восстании. Но тут увидел, что возле соседнего дома стояла группа ребят чуть помладше него – лет 18—19. Они с интересом смотрели на взрослого паренька, приехавшего в гости к деду. Никита был парнем не из стеснительных, и первым подошел и завел разговор. В глубине души его таилась мысль, что, быть может, они помогут ему добраться до Тамбова.

– Здорово, ребят. Вы местные?

– Здорово, да нет, на каникулы приехали. Ты тоже, на лето к Николаю Степановичу?

– Да, вот думал подольше задержаться, а надо срочно в Москву...

– Ого, – присвистнули пацаны. – Ты из Москвы?!

– А что, не видно?

– Да обычно москвичи все заносчивые, а ты вроде не такой...

– Москвичи разные. Вообще люди разные. В основном действует правило – относись к людям так же, как хочешь, чтобы они относились к тебе. Вот стараюсь придерживаться. Иногда помогает.

Пацаны рассмеялись.

– Ну и что? Когда назад в столицу-то?

– Да хотел сегодня, но автобуса нет, а отвезти некому. Так что придется завтра.

– Ну а раз такое дело, айда с нами?

– Куда?

– А вон у Антохи бабка брагу сварила, вкуснаяааа...

– Да нет, я пить не особо.

– Да ты чего! А потом к девчонкам пойдем...

– К девчонкам, говоришь?

– А то. Девчонки тут знаешь какие?

– Так тут же одни старики да старухи живут, откуда тут девчонкам взяться? – недоверчиво спросил Никита.

– Оттуда же, откуда и ты взялся. Что ж ты думаешь, одним москвича летом отдыхать положено?

Ребята расхохотались. Никита подумал, что раз уж все равно отъезд переносится на завтра, то не будет ничего дурного в том, что он проведет этот день в компании своих почти сверстников и повеселится – последний раз перед возвращением в Москву. В нем говорил инстинкт самца – один из парней обмолвился о девчонках, а уже завтра или послезавтра он навсегда привяжется к одной-единственной, кроме которой, возможно, никого больше и не будет. Так почему бы не устроить себе импровизированный мальчишник?

...Брага была сладкой и терпко шибала в нос. Поначалу эффекта не чувствовалось, и Никита опрокидывал кружку за кружкой в ожидании «прихода». Более опытные в этом деле мальчишки смотрели на него, посмеиваясь.

– Чего вы? – отбивался он. – Чего ржете?

– Да на тебя глядим. Что-то больно ты резво за дело взялся! Гляди, не убило бы раньше времени, а то и девчонок не надо будет!

– Не учи ученого, – знай себе, Никита продолжал накачиваться.

Самый скверный прогноз сбылся – спустя час Никита был, что называется, «в доску». Отсутствие привычки, да и взволнованное эмоциональное состояние сделали свое дело – и вместо ожидаемых девчонок Никита зачем-то побрел в лес. В тот самый лес, где они еще вчера вдвоем с дедом с трудом разбирая дорогу пробирались, чтобы встретиться с носителем мудрости здешних мест. Что его сегодня туда понесло, да еще в таком виде, да еще не зная дороги, да еще под вечер – загадка. Как он добрал-то до чащобы без посторонней помощи, а после не заблудился и не свалился где-нибудь под деревом – Никита не помнил.

Он еще с детства заметил, что поговорка «пьяному – море по колено» имеет свое практическое значение. Стоит трезвому перейти дорогу в неподобающем месте – его или оштрафуют, или, чего хуже, собьет машина. Если же на его месте будет пьяный – хоть МКАД, а перейдет без единой царапины. И памяти не останется. Видимо, сейчас это правило, многократно наблюдаемое им на других примерах, благополучно сработало на нем самом. Так или иначе, вскоре набрел он на дом Велимудра. На улице начинало темнеть, а в чаще леса и вовсе казалось, что приближается ночь – скот уже не пасся во дворе, калитка была заперта, окна затворены ставнями.

Никита не без труда перелез через частокол и собрался уже молотить по окнам, чтобы во что бы то ни стало побеседовать с хозяином дома, но не потребовалось – Велимудр сам шагнул за порог, выйдя ему навстречу.

– А, Никитушка, здравствуй.

– Здорово.

– Ты чего на ночь-то глядя?

Никита ничего не ответил, поскольку был занят более важным делом – старался сохранять равновесие на ногах.

– Вижу, что дело срочное и важное привело тебя ко мне. Что ж, говори, раз пришел.

– Я пришел... ик... спасибо сказать. Смотри-ка, помогло твое зелье-то.

– А то! Ты сомневался? Мои отвары всегда помогают, ибо с душой делаются! И секреты я знаю...

– Это да, этого у тебя не отнимешь... а вот только... про восстание это ты, братец, врешь. Этот твой номер не пляшет. Ну какое восстание, ты что, посмотри на себя. Какие сто лет?! Тебе не больше 70-ти, ты восстания не помнишь и помнить не можешь, не заливай!

Старик опешил:

– Чего ради стал бы я врать тебе, Никитушка?

– Это уж не знаю, а только врешь. А вот скажи-ка ты мне, как это маршал Тухачевский вдруг – раз! – и подавил настоящую войну, которая длилась больше года?! Вот так вот взял

и подавил! Никто, главное дело, не мог, а он подавил! Ведь, если верить тому, что ты вчера сказал... ик... то тут целая армия была под водительством Антонова?!

– Так есть, была.

– А Тухачевский подавил?

– Святая правда! Подавил!

– Это как же? Чем?

– Газом специальным.

– А до него никто не мог до этого... ик... дотумкать? Что ж, все такие дураки в Москве были? Первая мировая ведь уже прошла, про газовое оружие все знали...

Глаза старика загорелись каким-то особенным, хищным светом, но Никита не видел этого – поскольку его собственные глаза были напрочь залиты алкоголем.

– Да и потом – ни одного отравленного газом тела не было обнаружено! Ни одного! Так что врешь ты все, старый! Врешь и не краснеешь!

– А ты не думаешь, что Тухачевский некий секрет знал, который и открыл перед ним, какой газ следует применить?

– Тухачевский... ик... знал много военных секретов, но газ тут явно ни причем. Сочинительство чистой воды...

– А вот и нет!

– А вот и да!

– Чему ты веришь?

– Архивным источникам – говорят тебе, дураку, ни одного отравленного тела!

– Бумажкам да надписям верить давно ли стали на Руси? На заборе тоже пишут, сам же знаешь...

– Знаю, – расхохотался Никита, постучав по частоколу за своей спиной. – Бабы туда толпой, а там – вона – дрова!

– Вот вот. А только был газ у Тухачевского. И газ особый – такого ни до него, ни после уж в истории не было!

– И все-таки врешь ибо не докажешь!

– Мне не веришь? Когда такое было, чтоб я врал? Вот лично тебе я врал?

– Сейчас впервые. Но убедительно, – Никита снова расхохотался. Его смех был вызван обильным возлиянием, но Велимудр рассвирепел настолько, что никаких подобных объяснений понимать и принимать не хотел.

– Значит, доказать надо? Что ж, докажу.

– Вперед, я жду, – еле стоя на ногах, держась за частокол, бравировал Никита. Наутро он будет жестоко корить себя за то, что сейчас вступил в этот никому не нужный спор – ну что от того, был ли у Тухачевского газ, или не было? Что в итоге приобретет или потеряет историческая наука? Ровным счетом, ничего. А вот только пьяного медом не корми – а дай поспорить.

Никита смотрел на старика блуждающим взглядом. Внезапно он исчез. Никита протер глаза – тот уже стоял перед ним. Вдруг из уст Велимудра послышалось легкое дуновение «Пфу!» – и все лицо юноши обдало каким-то порошком с совершенно дивным запахом духов и лесных трав. Он прокашлялся.

– Что это?

– А ничего. Ты хотел доказательств – ты их получил.

– Что-то странное какое-то доказательство...

– Скоро все поймешь. А теперь ступай – сам же знаешь, у меня режим строгий! Да деду от меня кланяйся...

Как не мог Никита сказать, как попал сюда – так не сможет потом рассказать и как вышел. Дед переволновался, искал его весь день по всему селу, и потому под вечер ноги сами привели

к лесной чаще. Никита выбрался из нее и мирно дремал под большим деревом, когда Николай Степанович обнаружил его и отвел домой. Немного поругивая себя за то, что отпустил парня одного и не углядел, он волок безжизненное тело внука домой. Но с другой стороны, с кем не бывает, дело молодое, думал Николай Степанович. Утро вечера мудренее...

Утро настало скоро. Спал Никита крепко и снов не видел. Проснулся с петухами. Дед ходил по избе взад – вперед, в жестах его читалось некоторое волнение.

– А который час? – не поднимая чугунной головы от подушки, спросил молодой человек.

– Шесть уж, вставай. На сходку пора.

– На какую сходку? С ума сошел, в такую рань!

– Вставай, вставай, лоботряс. На вот, взварчику хлебни. Умел напиться – умей и похмелиться.

Дед разговаривал как-то необычно – «лоботряс», «сходка», ранняя побудка. Обычно он бывал более снисходительным к внуку, а тут... Но Никита попервах этого не заметил, или не придавал значения. Он отпил из кувшина, принесенного дедом из погреба, ледяного взвара, и почувствовал некоторое – временное – облегчение.

– А ты чего не спишь-то?

– Сходка, говорят тебе, продотрядовцы приехали...

– Кто? – Никита не поверил своим ушам.

– Продотрядовцы, хлеб у нас отымать...

– Какие продотрядовцы дед, ты что, с ума сошел? Продразверстку отменили в 1921 году!

– В каком? – посмеялся дед. – Ты видать и впрямь вчера до чертей напился, раз о будущем уже разговоры ведешь.

– О каком будущем? Дед, какой год?

– Так известно какой. 1920-й...

– Ты выпил, что ли?

– Это ты выпил. На деда еще ворчит, пакость...

Никита повернул голову и увидел на столе газету. Схватил ее. На номере стояла дата выхода – 2 августа 1920 года...

Парня бросило в холодный пот. Он выглянул к окну – ни единого столба ЛЭП, которые еще вчера стояли тут вдоль дороги... да и самой дороги не было видно! Вместо нее была обычная деревенская просека! Что за чушь?

Постепенно события прошлого вечера стали восстанавливаться в памяти Никиты. Разговор с Велимудром. Доказательства... Увидишь... Что он должен увидеть? Что за чушь? Как он попал в 1920 год? Да нет, этого быть не может.

Юноша отложил газету и попытался сделать вид, что ничего не произошло.

– Дед, мне ж сегодня в Тамбов надо. Во сколько автобус?

– Какой автобус? Что ты несешь, отрок?! Ты еще взвару попей да пойдем, сказано тебе. Велели всем работникам прибыть, только грудничков да немощных старцев дома оставлять!

Тут дверь из сеней дедова дома отворилась – вошел его сосед, Игнатий Рассоха.

– Ну что, Степаныч, идешь? Внука с собой бери, – кивнул он на сидящего на кровати в недоумении Никиту.

– Опился, сердечный. Говорит, что продразверстку в 21-м году отменят...

Старики посмеялись.

– Ладно, пошли. Будет взвар-то сосать...

Никита пошел за провожатыми на ватных ногах. Он проклинал себя только за то, что вчера затеял этот исторический спор... Хотя в реальность происходящего верилось по-прежнему с трудом и была еще надежда, что это какой-то дурной сон...

Как вдруг наступил он на осколок в земле. Нogu больно резануло, он наклонился посмотреть и... увидел, что обут он в латанные на подошвах сапоги, а одет в косоворотку и подпоя-

сан тонким ремешком из бычьей кожи. И прочие крестьяне, шедшие справа и слева от него выглядят точно так же. Юношей овладела оторопь, он развернулся и кинулся было против людского потока, но, увидев, насколько он велик, вновь прибил к деду и стал жаться к нему, пока не дошли до самого правления. Надежды списать все творящееся вокруг на сон больше не осталось – осколок в ноге должен был окончательно разбудить парня.

Глава четвертая – О том, что машина времени существует...

Контора уездной ЧК стояла на отдалении от села – на месте старого церковного кладбища, у погоста, сровненного с землей еще в 1918 году, выстроили небольшую избу. Во время Гражданской использовалась она для сходов, заседания сельского актива. Пока белые хозяйничали на территории уезда – устраивали там попойки, так что после установления Советской власти новым командирам стало претить находиться там больше пяти минут. Ну а когда вопрос встал о создании ЧК – лучше помещения и не нашлось. И стояло далеко, и вызывало у всех местных жителей порядочное омерзение.

Клавдия Семенова вошла в контору, тоже преодолевая смущение. Не хотела она идти – да делать нечего, обокрали ее давеча. И пусть бы его, барахло какое взяли, а вот то, что корову свели со двора – этого бедная крестьянка, и без того не вволю едавшая и пившая, стерпеть не могла. Деваться некуда – добрела до старого погоста и перешагнула порог дома, на котором и таблички никакой не было – все и так знали, что здесь находится.

Внутри было накурено. Стояло два стола и какие-то шкафы по углам – остальное пространство в комнате пустовало, создавая тем самым впечатление просторного помещения. Но от спертости воздуха и табачного дыма и этот простор не спасал – сидящего за столом под портретом Ленина начальника ЧК Рожкалнс разглядеть удавалось с порога с трудом. Лишь потом, когда глаза чуть пообвыкали, становилось виднее.

– Доброго здоровьица, товарищи чекисты...

Молчание.

– Здравствуйте, говорю, – громче повторила крестьянка.

– Чего тебе? – не поднимая головы от бумаг и не вынимая изо рта папиросы, ответил товарищ Рожкалнс.

– Семенова я, Клавдия...

– И дальше что?

– Так вот ведь... Обокрали... Корову свели...

– Ну и что ты хочешь?

– Так ведь... искать надобно...

– А без тебя мы до этого никак не могли додуматься?! – зло бросил Рожкалнс, досадую видимо на то, что темная баба отвлекает его от более важных дел. И добавил, обращаясь к своему коллеге, сидевшему за соседним столом: – Мальцев, есть у нас что в учете на эту тему?

– Так точно, товарищ Рожкалнс. Кудинов, начальник уездной милиции рапорт прислал. Ищут.

– Слышала? Ищут. Это дело милиции, а ты в ЧК пришла. Зачем?

– Ну так ведь вам-то сподручнее искать будет.

– А то, что у нас другая работа есть, тебе все равно?.. В общем, ищут. Как найдут – сообщат. Иди.

Клавдия стояла как вкопанная посреди комнаты. Такой разбор ее обращения ее явно, как сейчас говорят, не удовлетворил.

– Ну чего тебе еще?

– Да... когда же найдут-то?

– Откуда я знаю? Как найдут – так найдут.

– А мне чего ж делать?

– Богу молись... Надо было лучше за вещами своими смотреть.

– Да как тут смотреть, когда ночью и украли-то все, пока у соседки ночевала после покоса. Помогала ей, Аннушке-то, у нее и осталась... А они словно знали, ироды.

– Ясное дело, знали.

– Так кто же мог знать-то?!

– Я-то откуда знаю... – зло буркнул Рожкалнс и снова уставился в свои бумаги. Среди них была фотография бывшего начальника местной милиции, эсера Антонова, который теперь разыскивался ГубЧК по политическому делу – ввиду партийной принадлежности – и несколько дней назад как в воду канул. Исчез из села, и отыскать его не было никакой возможности. А отыскать было надо – бывшие эсеры были новой власти ох, как поперек горла. Бои с Врангелем еще продолжались, и потому они представляли очевидную опасность для Советской власти. Да и в новой, мирной жизни давать недобитой контре право и возможность проводить свою политику властям как-то не улыбалось...

Рожкалнс догадывался, что популярного в селе правдолюбца Антонова кто-то из местных жителей попросту у себя скрывает... Но кто? Молчали все как рыба об лед – и главному чекисту не расходиться: срок продрозверстки, начнешь самовольничать, хлеб не сдадут, а за это его же первого по головке не погладят.

Из приоткрытого окна чуть дунул ветерок. Клавдия собралась было уже уходить, как властный оклик Рожкалнса остановил ее.

– Кто-кто... известно, кто, – как бы между делом, невзначай сказал он, но так, что слова его дошли до ушей крестьянки. – Кто у нас безобразничает последние полтора года?

– Ну токмо что Колька Бербешкин, – произнесла она хорошо всем известную фамилию местного заезжего налетчика. Отыскать подозреваемого в данном деле было несложно, сложнее – в обстановке только что закончившейся (да и то не до конца) войны было его поймать, а тем более – найти награбленное.

– Вот и именно. Пока Антонов был начальником милиции, он его в узде держал. А теперь нет Антонова – он и разгулялся. А все почему?

– Почему?

– А потому что сам Антонов ему и помогает. Разозлился, вишь, на нас, на власть-то, и помогает. Вот тебе и крайние – виноватые.

– Так что ж делать-то?

– Искать Антонова. А ты тоже дурой не будь – если что от кого узнаешь или еще чего, сразу нам сообщай. Теперь сохранность твоего имущества от твоей же сознательности зависит!..

Когда Клавдия ушла, коллега по кабинету обратился к товарищ Рожкалнс:

– Вы правда думаете, что Антонов к грабежу причастен?

– Конечно нет.

– А зачем сказали?

– Затем, дурья твоя башка, что ловить его надо. А без помощи населения нам не справиться. Так-то им зачем его ловить – политика крестьян не касается. А теперь будут думать, что поймают его и заживут как в раю. И нам с тобой хорошо, и им... меньше забот...

Подчиненный так и не понял, почему в случае поимки Антонова крестьянам будет меньше забот, но многозначительно покачал головой и оценил находчивость своего руководителя.

Не солоно хлебавши, поплелась Клавдия обратно в село, где народ собрался на сходку. Перед большим ангаром, где обычно сушилось сено на зиму для скота, стояло несколько человек в кожанках, с револьверами, в галифе цвета хаки и одинаковых кепках – продотряд. Вещал самый маленький, очевидно еврейского типа, кудреватый, весь какой-то коротенький и кургузый, с традиционным пенсне на носу. Никита, стоявший в первом ряду, не верил своим гла-

зам – он в буквальном смысле стал героем вполне себе исторического события в том его колорите, в каком запомнится оно и войдет в анналы и учебники много лет спустя.

– Довожу до сведения собравшихся, что в этом году Тамбовская губерния должна сдать государству по продразверстке 12 миллионов пудов хлеба. При этом на территории всей губернии из-за засухи собрано всего 11, 5 миллионов. О положении дел мы в Москву телеграфировали, и буквально вчера получили ответ... – Слушающие замерли. – О том, что никакого послабления не будет. Норма есть норма, наш хлеб ждут по всей России. Гражданская война нанесла сильный удар по нашему государству и его экономике, и без нашего с вами хлеба, товарищи, ей не справиться. Так что надо поднатужиться и...

Ропот прокатился по стройным рядам селян.

– Это как же?! Чего ж мы себе-то оставим? Если так сдавать, то голодная смерть получается...

– Ну нет, – пытался отмахнуться кургузый. – Голодной смерти, пожалуй, что не будет. Ну чуть затянете пояса на зиму, а там и новый сев придет, новый урожай соберете озимых.

– Сколько же с уезда? – спросил один из самых пытливых, сосед Николая Степановича Анисим Квасцов.

Кургузый отвечал нехотя:

– Миллион пудов.

– Это значит, сколько же с нас?

Тот нахмурился пуще прежнего:

– Сто тысяч.

Собравшиеся аж присвистнули – он озвучил цифру, которая едва набралась бы во всем селе. Квасцов нипочем не желал униматься:

– Это что же получается?! Нам-то ведь и вообще ничего не останется!

– Да останется, чего ты... – кургузый постепенно совсем сникал, теряя запал. Стоявшая рядом с ним баба – лютая выжига лет сорока, с папиросой во рту и взглядом сумасшедшей – почуяв, что дело неладно, перехватила инициативу в свои руки:

– Да чего ты с ними цацкаешься, товарищ Краузе! Что это мне тут, понимаешь, за контрреволюция? Кому сказано – сдать хлеб?! Забыли гражданскую? Можем напомнить, – она выхватила маузер и стала гневно потрясать им в воздухе. – Если к вечеру хлеба не будет вот в этом вот ангаре, – она мотнула головой назад, – десятерых расстреляем на выбор. Если хлеба не будет к утру – еще десятерых. Хлеб возьмем, хотите вы этого или не хотите. Все! Разговор окончен! Сбор здесь же в шесть вечера!

Народ побрел кто куда. Никита стал случайным свидетелем разговора Клавдии Семеновой и Анны Боголюбовой, крестьянки, той самой, вследствие покоса у которой жалобница утеряла свою корову.

– Ну, что, сходила?

– Сходила, а что толку, – отмахнулась Клавдия.

– Сказали чего?

– А чего он скажут? Что Колька Бербешкин украл я и без них знаю, так вот где найти-то теперь? Сказали мол, раз Антонов теперь с ними, то и вовсе не найдешь, можешь не стараться...

– А Антонов никак с ними?! – ужаснулась Анна.

– Сказали, что так. Где его найти? Ищи ветра в поле...

– В лесу, – поправила Анна. Тут к ним присоединилась еще одна молодая, дородная девка – вдова Катасонова Наталья. Муж ее, поручик царской армии, погиб в Гражданскую, а детей нажить не успели, вот и осталась молодая женщина одна – не редкость на селе, особенно опаленном огнем войны.

– Ну что вы напраслину возводите? Чтоб Сашка с Бербешкиным якшался – быть того не может! Начальником милиции он был и гонял его и его банду почем зря. А сейчас – замирился? Нет уж! Идеальный он, Сашка-то, за народ он! Не вор он какой-нибудь и не разбойник с большой дороги!

– А зачем же сказали? – искренне недоумевала Клавдия.

– Затем и сказали, чтоб смуту в народ внести. Они всегда так делают...

Меж тем Никита заметил, что мужики стали большей частью собираться вокруг Квасцова. К ним присоединился и Николай Степанович.

– Дед, – позвал он. – Куда вы?

Никита говорил громко, так, что продотрядовцы могли услышать, и потому дед скомкал разговор:

– Пойдем хлеб считать. Куда деваться, сдавать-то ведь надо...

– То-то же, – ухмыльнулась бабища, только что страшавшая селян и потому приписавшая заслугу преломления народного недовольства на свой счет.

Мужики удалились, не позвав Никиту с собой. В последнем же говорило похмелье – выпитое вчера давало о себе знать. В такие моменты, и это Никита давно за собой приметил, несмотря на юный возраст, животные инстинкты берут верх – разум включается, но чуть позже. И надо же, как не вовремя появилась эта девица – Катасонова – и надо же, до чего по нраву пришлась она ему всей своей статью, что он волей-неволей поплелся за ней. Идти старался незаметно – прячась то за деревья, то за кусты. Сложно сказать, о чем он думал в эту минуту – будь он в своей привычной жизни, нипочем не стал бы преследовать малознакомую девушку со вполне понятными намерениями, будь она хоть сестрой Клеопатры. А здесь – то ли он не осознавал всей серьезности положения, в котором оказался, то ли не до конца верил в реальность всего происходящего. Как бы там ни было, поплелся он как телок за молодой вдовицей – а она, по мере удаления от центра села, все прибавляла шагу да петляла, петляла – так, что не пойми куда и шла. Не думал об этом Никита – он сейчас вообще ни о чем не мог думать, кроме одного...

Так дошли они вдвоем до леса – того самого, в который Никита вчера вошел... на свою голову. При виде знакомой чащобы он недовольно поморщился – дурные воспоминания вызывало у него ее давешнее посещение. Но инстинкт снова одержал верх над разумом – дождавшись, пока она зайдет вглубь леса, но стараясь не сильно шуметь и не подавать вида, отрываясь на максимально допустимое расстояние, полез Никита вслед за своей добычей. Метр за метром, кустик за кустиком, с шорохом и треском ломающихся веток, пробираясь через сухой валежник, вдруг заметил он, что потерял ее. Прислушался – тишина стояла кругом. А ее и впрямь – словно тут и не было. И тут догадался он – раздвинул кусты и увидел там свою цель. Да только не одну.

На расстоянии метров десяти от него – так, что не услышать еще можно, а уж не увидеть точно не получится (благо, она не оборачивалась достаточно долго) – юная вдова жарко целовала какого-то маленького розовощекого человека в военном без погон. Рядом стояла его лошадь. Стоило же ей оторваться от губ любовника, как Никита – студент-историк – узнал его. Узнал по фотографии, виденной в Интернете. Это был Александр Антонов, бывший начальник местной уездной милиции и вожак крестьянского восстания, которое, судя по обстановке, вот-вот вспыхнет. Невысокий, с неестественно розовыми щеками, за что еще в бытность эсером – каторжанином при царе получил прозвище «Румяный», Антонов своими маленькими, но жилистыми и сильными руками обнимал и гладил податливое и мягкое тело своей визави. Никита обомлел от страха, но глаз оторвать не мог.

– Ну что, была на собрании?

– Была, – тяжело, опуская глаза, отвечала Наталья.

– И что?

– Сказали сто тысяч пудов сегодня же сдать, иначе заложников постреляют.

– Шакалы... А мужики чего?

– Не знаю, у Квасцова чего-то кучкуются.

– Ладно, скажешь им, чтоб сегодня же приходили ночью ко мне сюда, будем думать.

– А чего тут думать-то, Саша? Восставать надо, любой понимает. Оголодят народ-то, околеем в зиму все. Засуха ведь была, сам же знаешь, ничего не собрали толком...

– Восставать?! – он было повысил голос, но она жестом остановила его. – Против власти? Против целого государства? Это как?

– А что ж, молча помирать прикажешь?

Антонов почесал лоб.

– Ладно, скажешь мужикам, пусть приходят, может чего и надумаем.

– Да вот еще...

– Чего?

– Бабы в селе говорят, будто к банде Бербешкина ты прибился и с ними теперь промышляешь...

– Я? С бандитом? Совсем ошалели?

– Да то ж не они, а этот чекист, Рожкалнс. У Клавки у Семеновой корову со двора свели, она жаловаться пошла, а чекист ей и сказал – мол, украл Бербешкин, а Антонов ему помогает, потому ищи ветра в поле...

– Брехло, – сплюнул под ноги Антонов. —Ну ладно, с этим мы разберемся... А пока, – с этими словами он снова жарко прильнул к своей подруге. Ноги под ними подкосились, и оба упали, жестоко хрустя ветками, на сырую лесную землю...

Воспользовавшись замешательством, Никита сначала потихоньку, на мягких лапах, выбрался из чащи, а уж потом припустил во весь опор до дедова дома. Желание плотской любви пропало начисто. В голове раскаленным гвоздем сидела одна мысль – надо во что бы то ни стало предотвратить восстание. От мыслей о том, что в ходе его погибнет по всей Тамбовской губернии свыше ста тысяч человек, что следствием его станут первые советские концлагеря и здесь впервые в истории страны государство применит против своих же граждан химическое оружие, у Никиты холодело внутри. И вот сейчас, он – очевидец, он на пороге этих трагических событий. Надо сделать все, чтобы повернуть вспять течение реки времени. Уж ему-то – человеку просвещенного XXI века – это точно удастся. Если, конечно, все, что он видит и в чем принимает участие – не сон...

Опротев прибежав к дому деда, он увидел возле ворот нескольких привязанных коней – значит, в доме был народ. Подбежал к двери, дернул что было сил за ручку – заперто. Постучал, дернул еще раз – то же самое. Подбежал к окну, всмотрелся в силуэты в светлице – люди внутри о чем-то разговаривали, слышался голос деда. Содержание разговора было не разобрать, но сейчас не до этого... Постучал в окно. На время голоса в избе затихли. Дед на цыпочках подошел к окну и посмотрел с обратной стороны. Увидев внука, выдохнул с облегчением:

– Чего тебе?

– Дед, открой, поговорить надо!

– Потом поговорим, люди у меня.

– Да открой же, это важно!

– Погоди...

Пару минут спустя дверь в избу отворилась, изнутри стали выходить люди – Квасцов с сыном, еще мужики, соседи.

– Дед, хлеб надо сдать...

– Надо – сдадим, – отмахнулся дед. Никита стал говорить громче, ведь слова его были важны:

– Я серьезно! Надо сдать хлеб!
– Ты чего разорался?! Без тебя знаем, чего делать. Не для того мы спину гнули да засуху терпели, у детишек не лишний кусок отымали, чтоб сейчас этим чужедам отдавать!
– Так постреляют же заложников!
– Не постреляют!
– А ну как, постреляют?!
– Побоятся. Нас вон сколько, а их человек пять. Мы их враз того!..
– Чего того?
– Шапками закидаем.
– Много вы закидываете... – опустил голову Никита.
– Чего это ты? Чего удумал-то?
– Это вы тут все чего-то удумали, причем нехорошее. И кончится все очень плохо, если сейчас хлеб не сдать.
– А сдать – с голоду передохнем.
– Не передохнем! Власть поможет, как-нибудь протянем зиму-то. А так – жертвы будут, и очень большие!

Мужики смотрели на него с опасением.
– Ладно, – махнул рукой дед. – Сдадим хлеб.
Внимание мужиков переключилось на него.
– Как же это, Степаныч? Как сдадим? А самим?
Тот в ответ махнул рукой и как-то заговорщицки подмигнул:
– Сдадим, только вот ангар отпереть надо, он у меня на засове, кто бы подмогнул? Никитка, может ты?
– Пойдем.

Когда подошли к ангару на заднем дворе – будучи ребенком и бывая у деда в гостях, Никита всегда видел этот ангар пустым, все хотел спросить у деда, для чего он предназначен, да вот все как-то было недосуг, – Никита первым стал двигать засов. И правда, тяжелый оказался. Только он хотел было обернуться, чтоб попросить о помощи кого-нибудь из крепких ребят, как... что-то тяжелое опустилось на его затылок. Слабость во всем теле, крепки руки деда, несущие его куда-то, звук его родного голоса:

– Пушай пока тут полежит, а то не натворил бы делов!

А потом – глубокий сон на несколько часов...

Очнулся он, когда начало смеркаться. Едва порозовела линия горизонта, и солнце ударило в утлое окошко избы тем предвечерним, ярким, тяжелым светом, каким обычно бьет в этот час – как глаза Никиты открылись. Он смутно помнил все, что происходило накануне, но в том, что все это происходит с ним, уже не сомневался – от удара жутко болела голова, и это было доказательством реальности происходящего. Юноша встал на ноги – немного штормило. Надо было выбираться отсюда, чтобы сообщить людям страшную весть о том, что их ждет.

Бросился к двери – заперто. Сидеть тут было нельзя. Кинулся к окну, открыл его и со всех ног кинулся к сушильному амбару. Эх, думал он, только бы заложников расстрелять не успели...

У амбара снова собралась вся деревня. Пока все напоминало «стояние на Угре» – крестьяне с пустыми руками и пустыми же глазами стояли напротив продотрядовцев, ожидая первого слова. Те тоже не хотели первыми начинать диалог. Наконец, слово вновь взяла все та же буйная баба:

– Ну и что? Где хлеб?
– Мы это, – замямлил кто-то в толпе, что еще сильнее ее разозлило.
– Чего «Это»?! Где хлеб?
– Не будем сдавать, – отрезал Квасцов. – Не будем и все тут. Не желаем с голоду помирать!

Кургузый попытался еще как-то исправить положение, но градус в атмосфере неуклонно поднимался:

– Товарищи, ну зачем вы так? Советская власть поможет, не даст вам умереть с голоду. Просто сейчас мы должны выполнить продразверстку, поскольку другие губернии ждут... Да и Москва тоже...

– Э, нет! – выкрикнул дед Никиты, Николай Степанович. – Знаем мы ваши слова! Много вы нам помогали! – Никита в ужасе кинулся сквозь толпу, чтобы прервать деда, но был остановлен Игнатием Лощиной – здоровенным молодым парнем, местным кузнецом. – Хлебушек у нас отберете, потом его на пароходы и в далекие земли за золото продавать. А нам тут – живи как хочешь, а не хочешь, так и вовсе не живи?! Так?!

– Молчать! – заорала баба что было сил. – Вы что тут контру разводите?! Мы за что три года с белой гадиной воевали?! За то, чтобы вы тут такие контрреволюционные речи безнаказанно произносили?! Не позволим! Сказано было – сдать, а вы!..

Кургузый вплотную подошел к ней и что-то шепнул на ухо. Немного оправившись и выдохнув, она произнесла чуть более спокойно:

– Десять добровольцев – шаг вперед!

Тишина.

– Ну, что замерли, сукины дети?! – снова принялась она орать, потрясая в воздухе маузером. – Без разбора стрелять начну, всех положу!.. – И, для убедительности, произвела несколько выстрелов в воздух. Крестьяне явно опешили – они ранее не сталкивались с продотрядовскими методами, всегда сами отдавали хлеб – благо, губерния была одной из самых плодородных в стране, и такая засуха была первой за 15 лет. Они и правда не ожидали, что ввиду явного численного проигрыша, гости начнут применять силу. Но...

– Кому сказано – десять человек шаг вперед?!

Вышли – по одному, не торопясь, еле передвигая ногами, под слезы и завывания баб, под плач грудных детей – десять мужиков. Разного возраста были люди: и старики, и зрелые здоровые ребята, и юные парни, настолько исполнившиеся мужества, чтобы непонятно за что вот так вот взять и отдать свою жизнь... Никита смотрел и не верил глазам – вот он, русский дух, героизм и мужество каждого индивидуума в огромной народной массе, способной на протяжении всей своей истории творить чудеса вот этой вот своею силой. Одного не мог он понять – зачем? Ведь завтра потребуется еще десяток, а потом еще, а потом все равно хлеб нужно будет отдать?! Конечно, если ему удастся предотвратить восстание. А нет – и того хуже. Отдать – но ценой неисчислимых жертв, о которых никто не вспомнит даже потом... К чему же это все тогда? Как видно, его рациональный ум подростка XXI века был устроен иначе, чем ментальность русского крестьянина века двадцатого...

Выстроившись в ряд вдоль амбарной стены, перекрестились и отвернулись лицом к воротам. Отрядовцы стали напротив, оголили маузеры. Кто-то докуривал. Кто-то что-то бормотал себе под нос. Но никто не волновался – со стороны Никите казалось, будто не происходит ничего экстраординарного, обычное течение жизни. Вот что значит – народ-воитель, народ, привыкший к крови...

Вскоре тишину нарушил мерзкий голос бабьего отродья:

– Именем Российской Советской Федеративной...

Остальное было не слышно – выстрелы заглушили ее речитатив. Не стройный ряд пулеметной очереди, а отрывистые, глухие, словно стук падающих в лесу деревьев – старых и отживших свое, – и отличающийся только тем, что молодое, правильное, свежее и то, чему еще положено жить и жить валится сейчас как скошенные колосья. Еще рядок отрывистых пуль – для порядку. А потом уже контрольные. Во всей толпе – ни вскрика, ни всхлипа. И только отведенные глаза – чтобы не видеть.

– Трупы родственники могут забрать... – продекламировала баба. Казалось, будто наоралась и голос слегка сел. – Завтра утром ждем вашего решения относительно хлеба. Если решение останется без изменения – готовьтесь расстаться еще с десятком заложников. Все, расход...

Никита побрел на ватных ногах куда-то в сторону леса. Дед пытался остановить его и заговорить с ним, чтобы объяснить цель своего поступка днем – но бесполезно. Его не интересовало, кто и зачем ударил его по голове. Его больше задевало и волновало то, что только что на его глазах и по молчаливому приговору односельчан 10 их друзей, родственников, знакомых отправились во имя ничего не значащего – в его понимании – идеала на тот свет. Он винул в этом всех, и себя в первую очередь.

...Начальник уездной ЧК Рожкалнс возвратился домой поздно. Он не принимал участие в деятельности продотрядов – ведомства были разные, а у него и от своей работы голова шла кругом. Причем настолько, что едва ли не каждый вечер приходилось напиваться, чтобы хоть несколько часов поспать – если бы он пошел на поводу у мучавшей его долгие годы, еще со времен царской каторги бессонницы, то валяться бы ему сейчас в братской могиле. Бабка Нина, у которой он квартировал, беспокойно бегала по избе взад-вперед, доставляя немало неудобств пьяному квартиранту.

– Чего ты?

– Молюся я.

– Опять...

– А то как же. Ты-то вон там сидишь в своей чеке и ничего не знаешь. Продотрядовцы приехали, 10 человек постреляли...

– Ну что ж теперь. Как видно, хлеба не получили – вот и постреляли.

– А что же? Нам-то как? С голоду что ли?

– Да, ваше дело.

– Ты бы с ними поговорил, Эрнестушка. Завтра сказали если не отдадим, еще кончуть. А нам и самим-то есть в зиму нечего будет...

– Они мне не подчиняются, ты же знаешь. И потом – чего я полезу? Я не крестьянин, на меня продразверстки нет, да и ты, насколько я помню, столько уж не жнешь, чтоб с тебя три шкуры тянуть. А те, которые... у них много... не обеднеют... – засыпая и отворачиваясь к стене, бормотал Рожкалнс. Старуха махнула на него рукой, бранно обвинила в пьянстве и продолжила бить земные поклоны перед висевшим в уголку образом Николая Чудотворца.

Спал чекист плохо, тревожно, как всегда, а проснулся и вовсе от какого-то постороннего шума. Разлепил глаза – перед ним посреди светлицы стояла трясущаяся и беспрестанно крестящаяся Нинка и рядом какой-то невысокий мужичок – спросонья Рожкалнс не сразу его признал. Но сразу интуитивно потянулся к висевшей на стуле рядом с кроватью португее. Поздно – она была в руках у ночного визитера. С перепугу глаза открылись махом – перед ним стоял разыскиваемый им Антонов.

– Не дергайся, – Рожкалнс увидел в руке у него наставленный прямо на него наган.

– Ты? Ты как здесь?

– В гости пришел. Ничего не говори, а слушай. Ты зачем всем рассказываешь, что я с бандой Бербешкина спелся?

– Так я... это... шучу, – криво ухмыляясь, бормотал чекист.

– Понимаю. Чувство юмора присутствует. Ну что ж, а у меня с ним проблемы. Потому вот, – не сводя револьвера с чекиста, Антонов пододвинул ногой какой-то грязный и засаленный мешок, стоявший в углу комнаты. Нагнулся, развязал его и извлек на свет божий... голову. Отрезанную голову с какими-то до боли знакомыми чертами лица. – Бербешкин лично к тебе зашел выразить признательность и сообщить, что у нас с ним стежки – дорожки разные. Оттого впредь следи за языком.

И спокойно вышел из избы. Старуха чуть разума не лишилась от увиденного и только пробормотала:

– Эрнестушка, свет мой, бежать же надо, ловить его, стервеца...

– Да сиди ты, – цыкнул Рожкалнс. – Не дергайся никуда, я его знаю, пристрелит в два счета...

– А с этим чего? – дрожащей рукой бабка указывала на подарок ночного гостя.

– Пускай до утра постоит, утром на работу заберу...

Нинка спать в одной комнате с головой Бербешкина наотрез отказалась – и куда-то ушла, старая дура. Опытный чекист Рожкалнс таким ранимым не был – все-таки в боях еще не то видал, но тоже почему-то до утра не сомкнул глаз.

Глава пятая – О том, как полезно делать запасы на будущее

Обратный путь для Александра Антонова оказался продолжительнее. Вот уже несколько месяцев – с тех пор, как установилась в губернии Советская власть, он вынужден был скрываться. Хотя, казалось бы, от кого? От своих же...

С юности состоял он в партии эсеров и сам принимал участие в подготовке еще при царском режиме нескольких довольно удачных «эксков» – экспроприаций, а проще говоря ограблений, пополнивших партийную казну в сложные для нее времена. Был приговорен к каторге, но и там не предал своих убеждений. Во время Гражданской войны не раздумывая взял винтовку и принял сторону красных – но партийной принадлежности не менял.

Бои на Тамбовщине были одними из самых ожесточенных за всю войну – неудивительно, плодородная область привлекала внимание и представляла интерес и для белых, и для красных, и для зеленых. Кого тут только не было! И со всеми приходилось сражаться Александру Антонову до тех пор, пока в один прекрасный день не пришла в Тамбов директива из центра о том, что эсеры есть вражеский элемент и теперь, когда белые вроде бы позади, пора бы и ими заняться. Шепнули – слухами земля полнится, и пришлось Александру Степановичу уходить, покидать насиженные места. Только сам он не ожидал, что добрая половина мужиков деревни за ним пойдет.

– Вы что? Куда?

– С тобой.

– Зачем? Я ведь против власти теперь.

– Ты как раз за народную власть. Тот, кто тебя туда гонит, он против народа, и его власть недолгая, тебя скоро возвратят да еще орденов навешают. А нашему брату, мужику, завсегда лучше с тем, кто про него вперед думает, а после про себя, – так рассуждали крестьяне, становясь под его знамена. Что ими двигало? Доброта и открытость Антонова в бытность начальником уездной милиции, его человечность и правильное понимание идеалов народной воли и власти. А также вера в то, что за темными временами непременно наступают светлые – и когда прояснится, власть вернет Антонова в свет и воздаст ему еще за былые заслуги...

Так уже несколько месяцев Антонов стоял в лесах Тамбовщины. Многие знали его местонахождение – но не спешили выдавать (кому охота с жизнью расставаться?). Грабить не грабили – люди любили его и кормили целый отряд, да и охота давала немало. Так что жили в общем неплохо. Но так обычно бывает до поры – пока гром не грянет...

Сегодня Антонову вспомнился тот бой, в начале осени. И вспомнился он ему не просто так – скоро отзовется его эхо, скоро напомнит о себе еще полыхающая то там, то здесь война.

...Бой этот был особенно трудным не только потому, что численность чехов превосходила численность маленького отряда красных, но еще и потому, что велся в условиях леса. Несколькими резкими и целевыми ударами антоновцам удалось выбить чеха с большой лесной поляны и оттеснить его вглубь – но исхода боя это не предрешило. Сейчас по обе стороны большой балки, служившей словно бы барьером для воюющих, уселись то здесь, то там в кустах и за буераками маленькими группами и стреляли друг в друга – отрывисто, коротко, но прицельно.

Чу! Где-то слева от окопа, в котором сидел Александр, с двух сторон обменялись выстрелами. Хруст веток означает падающее тело. Прислушался командир – не с его ли стороны они хрустят? – и выдохнул. Значит у противника потери. Через мгновение справа – и тоже метким прицельным выстрелом повержен правый фланговый отряда белочехов. Секунду спустя дает командир приказ – и уже группа красных мелкими шажками движется к пулемету – путь

к нему открыт благодаря меткому выстрелу снайпера Артюхи. В это время внимание остального отряда интервентов надо отвлечь – и опять по приказу Антонова слева от него начинается демонстративный огонь по позициям чехов. Они, понятно, все свое внимание переключают на источник огня – а наши в это время уже у пулеметной точки. И слышится, и радуется слух Антонова длинная, напевная очередь, уничтожая всю ближнюю полосу обороны противника подчистую.

Но дислокация чехов не так проста – отдельные группы разбросаны еще в ста, двухстах, трехстах метрах – по всей лесистой местности. И откуда издалека, с высоты, невидимой для командира красных, раздается несколько выстрелов – двое из группы пулеметчиков убиты. Один только Самсон засел на пулеметную точку и строчит во все стороны. Останавливает командир движение своих – надо удостовериться, что путь свободен. Снова – манипулятивный огонь по позиции слева. Ответ короткий, один или два выстрела. Но и те пулеметчик красного отряда вскоре пресекает.

И вот весь отряд уже перешел к пулеметной заставе. Теперь – задача более сложная, надо взять гористую местность, там засели остатки недобитого отряда. Пусть мало, но все же они там. Однако для этого надо уйти с открытой местности – тут для засевших в нагорье чехов они как завидная мишень, как гусь на тарелочке. Потому, стреляя наугад и волоча за собой захваченный пулемет, двинулся весь отряд – да какое там, маленькая группа отважных красных партизан. Вскоре и первая высота преодолена, и вторая, и выше, и выше.

Почему-то выстрелов нет, задумывается Антонов. В том, что там есть белочехи, он не сомневается – несколько пуль оттуда прилетело, убив двух его разведчиков. Но почему теперь-то замолчали, когда движение началось со стороны красных? Значит, уходят. Но зачем? По его подсчетам, там еще человек 20—30, запросто смогли бы перебить его бойцов. Почему убегают? Ответить можно, только догнав на свой страх и риск.

Догнали. Картина, что открылась взгляду красного командира, поразила и его, и его бойцов. Человек 20 чехов в военной форме по всем правилам, ползали, корчась от боли и хватаясь за животы. Над ними стоял царский офицер в форме поручика. Увидев красных, вытянулся по швам и только еле слышно произнес:

– Лихорадка. Сдаемся. Можете убивать.

Антонов с достоинством посмотрел на отважного офицера.

– Убивать не станем. Доставим в уезд и там поговорим по всем правилам. Вы есть арестованные. Ваши документы?

– Поручик Российской императорской армии, георгиевский кавалер Петр Михайлов Токмаков. Документы утеряны при эвакуации с рухнувшего бронепоезда...

Антонов помнил, что месяц назад бронепоезд с чехами действительно потерпел крушение недалеко от Тамбова, и с тех пор его пассажиры, направлявшиеся на Урал, доставили местной Советской власти немало беспокойства.

– Командир? – обратился поручик. – Как Вас именовать?

– Антонов, Александр Степанов, командир отдельного партизанского отряда и по совместительству – начальник уездной милиции.

– Александр Степанович, мне нужно с Вами поговорить... С глазу на глаз.

Отошли.

– Видите ли, военная операция на вашем участке не охватывалась нашим планированием. Бойцы, как вы уже изволили видеть, больны, и их эвакуация представляется достаточно сложным делом для вашего малочисленного отряда. Потому предлагаю Вам тактический обмен – Вы отпускаете нас, мы с бойцами добредем до железной дороги и товарным поездом уедем в сторону Урала...

– И по дороге...

– Дослушайте, прошу Вас. Мы отдаем Вам целый схрон с оружием. Он в этом лесу. А также весь боекомплект, что при нас.

– В этом лесу? Но где? Я этот лес как свои пять пальцев знаю.

– Следуйте за мной.

Кивнув двум бойцам, Антонов прошествовал за Токмаковым вглубь леса. Набродили вскоре на какую-то хижину, причем достаточно добротную и, по всему видно, благоустроенную. Ее Антонов видел впервые. Он был немало удивлен.

– Что это?

– Это дом моего отца.

– Вашего..?

– Да, не удивляйтесь. Он отшельник. Тут раньше скит был, потом монахи разбежались кто куда, кого убили, кто схиму оставил, а отец остался, сделал себе из этого сруба дом, вот тут и живет. Следуйте за мной...

Вошли за плетень, обогнули дом. Большой был дом, сразу видна была рука древнего зодчего, знавшего толк в добротном и долговечном строительстве. На заднем дворе был запущенный старый колодец, заброшенный сверху еловыми лапами. Откидав их, Антонов поразился – он доверху был набит единицами оружия. А ведь это – не меньше десяти метров в глубину, а то и больше!

– Ого, – присвистнул он. – Ну и дела.

– Все свежее. Мамонтовцы оставили при отступлении.

– Вы мамонтовец?

– Так точно.

– Что ж, – поразмыслил Антонов. – Если вдуматься, бой у нас завязался внезапно, и особой опасности вы для уезда не представляете – не бандитствуете, дезорганизации в работу советских органов не вносите... Но одно условие – что в течение 24 часов вас здесь не будет! Ни вас, ни единого вашего бойца!

– Слово офицера.

– Послушайте, а как Вы собираетесь с ними? Они больны и идти сами не смогут, а их, сами говорите, 20 человек...

– Я отвечу, если...

Токмаков не успел договорить – со стоянки, бивака, где оставили белочехов, опростелю летел Артюха – антоновский боец.

– Командир! Товарищ командир!

– Чего орешь?

– Там... у этих... пленных... что-то судороги вроде... пеной изошли...

– Быстрее, – подскочил Токмаков и бросился в избу. Антонов, еще не понимая, что происходит, бросился за ним. В сених поручик указал на бочку:

– Помогите мне.

Вдвоем белый и красный командиры взяли тяжелую посудину и потащили ее к месту стоянки. Насилу дотащив, сделали в ней пробоину и стали из походной кружки поить бредивших солдат. У последних к тому времени и впрямь пошла ртом пена, многих сводили нечеловеческие, не виденные ранее Антоновым даже в госпиталях, судороги.

– Что с ними?

– Это отвар... Его варит мой отец. Он, по слухам, придает нечеловеческую силу и ловкость. У меня было с собой в поезде несколько литров. Мы готовились на Урале к затяжным и кровопролитным боям, и я вынужден был дать его им. Поезд сошел с рельсов – извечная русская безалаберность, и вот результат. Три дня в лесу, а отвар имеет срок действия. Когда он выходит, начинается такое...

– Хе, – Антонов нелепо осклабился. – Сложно поверить в то, что вы говорите.

– А Вы и не верьте. Посмотрите лучше, сделайте выводы и уносите ноги – зелье снова начнет действовать с минуты на минуту и тогда... Одним словом, вам несдобровать. Схрон останется здесь, оружие я велю оставить там же. Приходите в любой момент – он Ваш. И спасибо.

Через десять минут отряд Антонова выходил из леса. Сам начальник милиции шел, опустив голову и погрузившись в раздумья. Увиденное им показалось ему странным, он никак не мог поверить в реальность происходящего.

– Товарищ командир? – не унимался Артюха.

– Чего тебе?

– Схрон-то когда будем вывозить?

– Зачем?

– Ну как? Сдавать же надо.

– Не надо. Пусть полежит, жрать авось не просит. Пригодится.

Думал ли тогда командир маленького партизанского отряда, что подходящий к его приращению случай представится уже спустя несколько месяцев...

От мыслей Антонова отвлекла группа людей на лошадях, стоявшая у самого подхода к лесу. Среди них были Никита и Николай Степанович. У Никиты, для которого все происходящее было похоже на участие в каком-то приключенческом фильме или в компьютерной игре, но никак не на действительность, от осознания близости истории, своей причастности к ней буквально дрожали поджилки. С одной стороны, то, о чем он писал – знаменитое Тамбовское восстание – подготавливается при его непосредственном участии, что не может не воодушевлять его как историка. С другой стороны – грядет большое кровопролитие, и он еще тешит себя надеждой все изменить. Во всяком случае, попытаться. Вот сейчас, через несколько минут, решится судьба Тамбовской земли – крестьяне Кирсановского уезда встретятся с Александром Антоновым.

– Здравствуй, Александр Степанович, – первым заговорил его дед, держа под узцы лошадь, на которой сидел Никита. Такое обращение к Антонову, который был едва ли не на 30 лет младше Николая, говорило о ненапускном уважении к собеседнику, которое питали все собравшиеся.

– Здравствуй, Николай.

– Знаешь уже, что привело нас.

– Знаю, наслышан.

– Вот за советом к тебе пожаловали... Как быть – поступить?

Антонов рассмеялся:

– Да нет, Николай, не за советом вы ко мне пожаловали. Как быть за вас уж жизнь решила, тут вариантов не так много.

– А коли сам все знаешь, уж выручи...

Антонов окинул собравшихся взглядом. Даже сквозь непроглядную ночную тьму ощущался его цепкий взгляд.

– Надумали, значит... Твердо решили?

Молчание. Вдруг резкий возглас Никиты прервал его.

– Нет.

Крестьяне обернулись на ретивого юношу и посмотрели на него с укоризной.

– Кто такой? – приблизившись на коне, спросил Антонов.

– Внук мой, – стыдливо ответил Николай. – Да ты его не слушай, Александр Степаныч.

– Ну почему же. Слушать как раз надо. Вы вон не слушали, когда вам говорили – и вот результат. 10 трупов как с куста.

– Ты и про трупы знаешь?

– Как не знать, я только от вас. К другу своему старинному заезжал, к Рожкалнсу... Ну не суть. Так а почему... как тебя?

– Никита.

– А почему Никита не согласен восставать?

– Потому что прольется кровь.

– Это не ответ. Она уж три года льется, и до этого лилась, и после будет.

– Потому что это ни к чему не приведет. Ну положите вы сотню, другую, третью, ну тысячу, своих сколько потеряете – а хлеб все ж отдать придется.

– Это почему?

– Потому что нельзя тягаться с центральной властью! Она сильнее вас, и вас удавит. Тягаться надо было год, два назад – пока война была в разгаре.

– Война и сейчас идет...

– Но перелома уже не будет. Красные отстрелили верх по всем направлениям.

– Еще не факт...

Никита метался – сейчас сказать о том, что спустя полгода будет окончательно побеждена интервенция и на Тамбовщине будет сосредоточено огромное число кадрового резерва и стратегических вооружений – означает привлечь к себе внимание и ничего не добиться. Надо искать другие аргументы.

– Ну хорошо. А куда ты поведешь людей? К белым? За ними нет будущего, и ты это знаешь. Бандитствовать? В зеленые губернию запишешь? Несерьезно. Красные тебя шлепнут. Так как быть?

– Время надо. Переждать. Там власть, глядишь, на уступки пойдет.

– А часто она шла на уступки? Когда такое в истории было, чтоб народ в Росси власть поломал? Это не Европа и не Америка, где добиваются да пробиваются. У нас сыграют в уступки, вид сделают, ты расслабишься, а потом каааак!..

– Верно. Кааак! Только то при царе было, а теперь порядки не те. Верно я говорю, мужики?

– Верно, – загоготали крестьяне.

Нет, решил Никита, одному с такой толпой ему не совладать. Надо действовать иначе. Как – пока не понятно, но и время на раздумье есть – утром явно выступление еще не начнется. Утро вечера мудренее, а пока...

– Ну вот. Так что ты, парень, охолони. Айда за мной, мужики.

Антонов спешил – за ним это сделали и остальные. Пошли в лес. Входили не с той стороны, с которой Никита искал Велимудра – с южной его окраины. Шли минут десять – видно было, что давно тут гостей не было.

– Начнем с того, что вооружимся все. Есть у меня припас кое-какой... Я полгода назад тут бригаду чеха разоружил. Ну и остались кое-какие трофейчики. Сейчас мы их разберем и будем наготове, а после по сигналу выступим все одновременно... Схрон раньше в другом месте был, я когда в бега ушел, перетащил его – чтоб у комиссара из Красного лаптя желания не было попользоваться моей добычей... – Мужики рассмеялись. Снова заговорил Николай.

– Мы вот только тут переживаем, Александр Степаныч.

– О чем?

– Не все из нас... винтовку-то держали... Переживают, колеблются многие... А народу нам много надо... Дух поднять бы... Вот как – не знаем, потому и пришли к тебе. Может ты бы вперед наведалься в село да поговорил с народом-то?

– Да, чтоб мне даже уехать оттуда не дали.

– А как же быть?

– Есть средство. Пошли пока. Потом расскажу... А ты умный, Николай, смотри-ка. В корень зришь. Это у Льва Толстого в «Войне и мире» сказано: «Исход сражения определяет боевой дух солдат!» Пошли, пошли...

Добрели до огромной волчьей ямы, закиданной можжевельником и ельником.

– Тут глядите, яма глубокая. Раньше озеро было – высохло, да многие из вас помнят, кто постарше. Разбирай ветки.

Раскидывать было немного – яму, как оказалось, лишь едва прикрывал валежник. Зато открывшееся глазам мужиков их буквально поразило – яма доверху была набита оружием. Глаза заблестели, заискрились и тот самый боевой дух, о котором писал Толстой и говорил Антонов, словно бы начал зарождаться в душах будущих солдат...

– Ну-ка, Никита, – позвал Антонов, – подойди. Возьми обрез.

Никита нехотя принял оружие из рук вожака. Погладил. Холодная вороненая сталь и в его сердце отозвалась лязгом. И на минуту уж забыл он и о жертвах и об историческом прогрессе – когда держишь в руках боевое оружие, смелость приливает, и все эти гуманистические разговорчики словно бы теряют силу... Ход Антонова был продуман. Никита быстро пришел в себя, но виду не подал – пусть враг (а пока юноша именно так воспринимал беглого комиссара) пока примет его за своего, пусть сочтет, что сопротивление сломлено...

– Так-то лучше. Много не берите – по одной единице и будет. Восстанем – у схрона поставим постоянный пост. Кто раньше проговорится – всех решу, кто сегодня здесь был...

И хотя в селе еще не знали про намеренную Антоновым расправу с бандой Бербешкина, но на слово ему все верили – такой это был человек!

– Александр Степаныч? – спросил Николай.

– Чего?

– А что там ты про боевой дух сказывал?

– А... можно... Завтра в то же время соберемся здесь. Приедет человек – вы его не знаете, бывший царский офицер, но ему можно верить. Он расскажет, как с бедой сладить. А я пока его отца разыщу... – проговорил Антонов, глядя вглубь леса. По направлению его взгляда Никита понял, что он смотрит в сторону дома старца Велимудра.

Глава шестая – О чудесном зелье

Раным-рано, еще когда вся деревня только поднималась, чтобы управиться со скотиной, Николай Савонин побрел к большому амбару. Продотрядовцы остановились прямо в нем – он все одно пустовал последний год, а после вечерней эскапады останавливаться у кого-то из местных на постой было опасно для жизни. Осторожно, стараясь не шуметь, вошел он сквозь приоткрытую дверь в сушильное помещение. Тут ко встрече были готовы – стоило ему переступить порог, как услышал он позади себя грозное:

– Стоять! Руки! Кто идет?

Николай поднял руки и робко ответил:

– Савонин Николай Степанов, крестьянин. Поговорить я. От народа послан.

Зашевелились спящие каратели – повылезали кто откуда: из-под телеги, с остатков сеновала, с деревянных полатей, что стояли здесь принесенные откуда-то вдоль стен. Баба первая вышла навстречу делегату:

– О чем разговор?

– Так дело нехитрое... Подумали мы тут и решили... Сдать хлеб... Да вот только...

– Что ж, правильное решение, давно бы так. А что только?

– Сто тысяч пудов... много... мы знали, что вы приедете, вот попрятали кое-какие значки. Теперь откопать надо.

– Хе, – присвистнула баба. – Ушлый народ. Не зря мы десяток в расход пустили. Жалко только пули потратили, порезать надо было как свиней... И далеко ли спрятали?

– В лесу за деревней.

Николай пошел на тактическую хитрость – с одной стороны, можно быть уверенным в том, что в лес за мужиками продотрядовцы не пойдут – далеко да и опасно. Если уж в деревне опасаются расправы, то идти в лес просто вызывать огонь на себя. С другой стороны, он помнил, что в лесу предстоит встреча с Антоновым – на нее должны прийти все сельские мужики или хотя бы их основная часть. Теперь можно идти туда без опаски быть застигнутыми врасплох. Мол, хлеб пошли откапывать – и все тут.

Вскоре он увидел, что хитрость сработала.

– Идите конечно...

– Только вы того... наших-то больше не стреляйте... Мы того... против властей не бунтуем...

– Ну и очень хорошо. Тем более, что нам еще надо дожидаться приезда основной группы – как мы, по-вашему впятером повезем 100 тысяч пудов? Никак.

– А где ж остальные?

– В соседнем уезде задержались. Там народ оказался не такой сговорчивый, как у вас.

– Так а ежели... тягловой силы нету... пошто ж тогда заложников постреляли?

– Линия партии такая! – оборвала его баба. – Много будешь знать, как говорит товарищ Троцкий. Правильно я говорила, стрелять не надо было...

– Истинный крест не надо было...

– Лучше б порезали – пули фронту нужнее...

В это время Антонов, держа коня под узцы, пробирался в чащу леса – к избушке Велимура. Вчера он навестил его и попросил свести с сыном. Как они обменивались сообщениями – красный партизан не знал, скорее всего, старику было известно тайное лежбище своего отпрыска. Да и не горел желанием узнать – главное, что он был уверен: старик не подведет. И был прав. Стоило ему подойти к плетню избы старца, как из другого конца леса, шурша ветками, выбрался другой всадник. Без царской формы узнать его было трудно, но все же возможно – поручик Петр Токмаков стоял перед ним во всей красе.

– Вы хотели меня видеть?

– Очень хотел, Петр Михайлович.

Они взглянули друг на друга и обнялись как старые друзья.

– Слышал о Вашей беде, Александр Степанович. Поняли теперь, за какую жизнь воевали?

– Я давно понял. Просто тогда... что я мог сделать один?

– А сейчас? Сейчас вас много?

– Много. И нам очень нужна ваша помощь и ваш боевой опыт.

– Прошу в избу...

– Да, конечно, только позвольте сначала закурить, – в голосе Антонова слышалось волнение. Смогут ли они понять друг друга, найдет ли он помощь и поддержку в лице бывшего царского офицера? – вот о чем думал сейчас тот, кто еще вчера сражался со своим собеседником с оружием в руках. Он достал из кармана портсигар – тот самый, что подарил ему Токмаков во время их последней встречи. И встреча эта явной картиной стала у него перед глазами...

... – Вы советуете нам убраться? – с иронией в голосе спросил Антонов, пока поручик поил своих солдат отваром из бочки.

– Именно.

– Это угроза?

– Считайте, что это предупреждение.

– Отчего же? Что должно произойти?

– Если и правда хотите увидеть, то оставайтесь на месте, но держите револьвер на изготовке и... цельтесь прямо в голову...

– Кому?

Антонов не успел договорить, как услышал какой-то пронзительный крик человека, которого душили. Он повернул голову направо и увидел, как один из солдат, только что приведенный Токмаковым в чувство, что было сил душил его вестового Илюшку.

– Ты что?! Отставить! – крикнул Антонов. Реакции не последовало – тот его будто не слышал. – Что с ним? – обернулся он к Токмакову.

– Стреляйте же! Стреляйте!

– Да к чему?! Что происходит?

В это время белочех стал теснить несчастного вестового, у которого от недостатка кислорода постепенно происходил упадок сил, к дереву. Прижав его вплотную к толстому стволу, он с силой ударил его затылком о древесную кору. Илюшка потерял сознание. Антонов наблюдал за картиной ни жив ни мертв.

– Что с ним?

– Да стреляйте же Вам говорят!

Солдат потянулся было зубами достать до горла Илюшки, когда к красному командиру наконец вернулось сознание – и он прицельно выстрелил, пробив голову несчастному и лишив его последних мозгов.

– Что с ним? Теперь-то Вы можете мне объяснить?

– Постараюсь. Мой отец он... в общем, обладает определенными знаниями древних славян. Длительное проживание вдали ото всех, принятие языческих традиций сделали его мудрее и просветленнее, как он утверждает, хотя мне так не кажется... Одним словом, он где-то раздобыл рецепт эдакого взвара, который способен на некоторое время человека превратить в настоящую машину для убийств. Он практически ничего не соображает, только убивает, причем самыми нечеловеческими методами... Встречались даже случаи людоедства... У этого взвара есть срок действия – около трех суток. Потом надо выпить еще, иначе человека начинает ломать вот эдак.

– А что будет, если не выпить?

– Умрет...

Антонов присвистнул:

– Однако! Из чего же готовится этот взвар? Это же бесценная наука! В условиях войны вещь просто незаменимая! Практически бесстрашный солдат получается!

– И не просто бесстрашный, а можно сказать, что неуязвимый. Берет только прицельная пуля в голову – и то через раз, так что вам можно сказать сейчас очень повезло... А из чего он готовится я и сам толком не знаю – знал бы достоверно, так не стал бы сюда тащиться, а спокойно поил бы их в ставке да посылал на верную гибель Красной армии. Знаю только, что в состав входят вроде мухоморы... Черт его знает!

– Послушайте, а как же вы с ними справляетесь?

– Да есть у этого взвара один секрет – командиру, которого видят в момент употребления, они подчиняются. Ничьих чужих слов просто не слышат. Так что теперь Вы, думаю, поняли, что я Вам не врал и лучше бы вам с вашими солдатами выдвинуться восвояси.

– Разумеется, но... Как же вы дальше?

– Говорю же – поезд остановим!

– Новые захваты, новые жертвы...

– Что поделать, война.

– Это ни к чему. Я помогу Вам. Я представитель официальной власти и велю выделить Вашим солдатам отдельный вагон до Тамбова.

– Буду Вам очень признателен.

– А пока, чтобы нам с Вами нормально добраться до РУЖДа¹, давайте-ка свяжем их в цепочку. Пока они еще не в агрессии...

Сказано – сделано. Солдаты Антонова связали руки белочехам и соединили их в один ряд. Все вместе двинулись в сторону колеек. Командиры шли впереди и говорили о своем, а рядовые отряда Антонова только полупрошепотом обсуждали виденное...

– Теперь я понимаю, почему сопротивление отрядов Мамонтова на данном участке было особенно ожесточенным. Удивительно, как долго на Тамбовщине не могли сломить его натиск.

– Да, Вы правы. Взвар сыграл свою тактическую роль.

– Прошу Вас только об одном, Петр Михайлович.

– Все, что в моих силах.

– Постарайтесь меньше жертв оставить на пути...

– Я понимаю, иначе на Вас падет тень – отпустили командира белочехов и целый отряд...

– Дело не в этом. Я просто очень жалею людей, – Антонов попытался усмехнуться, придать своим словам характер шутки, но Токмаков оценил его серьезность. Между врагами начала зарождаться дружба.

¹ В Тамбовской губернии тогда проходила РУЖД – Рязанско-Уральская железная дорога. Позже антоновцы почти целиком возьмут ее под контроль в ходе восстания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.